ИМЛ—Библиотека
Р60
Р363

Дело
Никогда не
забыть.
1 экз.

В. ДЕМБО.

ВРЬО
Д 368

Никогда не забыть!

Кровавая летопись Бессарабии.

(По официальным документам).

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ▽ МОСКВА ▽ 1924

В. ДЕМБО.

НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ!

Кровавая летопись Бессарабии.

(По официальным документам).

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ".
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ. * МОСКВА. * 1924.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К.
1988

ВР60
Д368р

Отпечатано в 4-й типографии „Мосполиграфа“, Армянский переул., д. 6, в количестве 8000 экз. Главлит 20226 Москва.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б)
Ср 387
2009 28
Ф 33309

ПАМЯТИ

Надежды Евгеньевны ГРИНФЕЛЬД,
Максима ВРАНОВА,
Наума КАВСАНА

и многих тысяч других, расстрелянных и замученных румынскими палачами и бессарабскими предателями посвящает свой труд

Автор.

„Великая Румыния".

В период политического расцвета Австрии у европейских дипломатов сложилась поговорка, гласившая:

— Пусть другие государства завоевывают себе земли оружием,—ты же, счастливая Австрия, умножай свои владения посредством браков.

Но этот австрийский рецепт добывания земель слишком благороден для Румынии. Она предпочитает умножать свои владения не оружием в открытом бою и не браками, а предательством, шантажем, двурушничеством, подкупами и насилием. Изменяя всем и каждому, не изменяя только своему принципу мародерства на всех полях сражений, помещичья Румыния ухитрилась за десяток бурных для Балкан и для Европы лет почти утроить свои владения.

В 1912 году Румыния занимала площадь в 137.000 квадратных километров и насчитывала 7.240.000 человек населения. В 1920 г., по официальным данным румынской статистики, она занимает уже 316.000 квадратных километров и насчитывает 17.393.000 жителей.

Один из самых лакомых кусков, прихваченных Румынией под шум мировой встряски,—это Бессарабия—счастливый природными дарами, обильный край, с населением в 3 миллиона человек, трижды несчастный в своей политической судьбе, обрекшей его на кошмар румынской оккупации, длящейся уже седьмой год.

Как водится, самые разбойничьи свои проделки Румыния, по исконной буржуазной привычке, расцвечивает самыми высокопарными и чувствительными словечками о гуманности, о самоопределении народностей, о правах угнетенных и так далее.

Но от этих пустых, лживых фраз до настоящей правды бесконечно далеко. Между правдой и этими словами нет ничего общего, ни малейшего соприкосновения. Каковы же эти слова, и каковы факты?

Несколько исторических чисел.

Сначала—несколько хронологических дат, связанных с различными моментами истории, такой сложной с виду и, вместе с тем, такой грубо-откровеной истории захвата Бессарабии помещичьей Румынией.

На происходившем в Кишиневе 20—27 октября 1917 г. первом с'езде военных молдаван (в те самые дни, когда российский пролетариат брал в свои руки власть в центре страны) была провозглашена автономия Бессарабии. Было постановлено для подготовки и проведения в жизнь этой автономии, создать «Краевой Совет Бессарабии»,—по-молдавски «Сфатул-Цэрий».

Спустя несколько дней, организационное бюро «Сфатул-Цэрий» официально заявило, что «Сфатул-Цэрий», признавая основной принцип устройства России, как федеративной демократической республики, конструируется из представителей демократии на началах национально-пропорционального представительства».

21 ноября 1917 г. состоялось открытие «Сфатул-Цэрий».

2 декабря «Сфатул-Цэрий» оглашает декларацию, заканчивающуюся так: «И только тогда мы спасем наш край и удержим от гибели нашу общую родину, Великую Российскую Федеративную Демократическую Республику».

29 декабря из «Сфатул-Цэрий» уходят все члены его социалисты,—всех партий. Причина ухода—протест против закулисных переговоров главарей «Сфатул-Цэрий» относительно ввода румынских войск в Бессарабию якобы «для водворения порядка». Главари «Сфатул-Цэрий» заметают следы и отрицают, будто ими ведутся переговоры.

6 января 1918 года отряд румын-трансильванцев, идущих эшелоном со стороны Киева (очевидно, по сговору с петлюровско-винниченковской Центральной Радой), пытается врасплох захватить Кишинев. Попытка отбита, нападавшие захвачены в плен.

7 и 8 января румынские регулярные части наступают на Кишинев со стороны Унген. В упорных боях румыны отбиты и бегут.

В отпоре и первому, и второму натиску румын самое деятельное участие, притом по собственной инициативе, принимают молдавские национальные части (гусарский полк и др.), и молдавские крестьяне.

12 января 1918 г. к Кишиневу приближаются значительные силы регулярной румынской армии. Кишинев занят.

24 января «Сфатул-Цэрий» провозглашает независимость «Молдавской Народной Республики».

27 марта 1918 г. «Сфатул-Цэрий» провозглашает об'единение Бессарабии с «родной по крови» «матерью-Румынией» на началах автономии.

26 ноября 1918 г. «Сфатул-Цэрий» отказывается от этой автономии, присоединяясь к «Румынии-матери» без всяких условий.

В своих притязаниях на Бессарабию правительство румынских помещиков ссылается, разумеется, не на все эти даты, а только на некоторые. Оно особенно дорожит *24 января, 27 марта и 26 ноября 1918 г.*

И еще—*датой 28 октября 1920 г.*,—когда в Париже совет послов держав Согласия утвердил «акт» присоединения Бессарабии к Румынии.

Но зато румыны упорно забывают о 9 марта 1918 г., когда их председатель совета министров и министр иностранных дел Авереску подписал в Яссах договор с представителем России Раковским, коим обязался в двухмесячный срок убрать из Бессарабии оккупационные войска и не вмешиваться во внутреннюю политическую жизнь Бессарабии.

Читателю следует запомнить не только эти даты, но и всю—более подробную—хронологию, отмечающую главные вехи порабощения Бессарабии.

Румынские мотивы.

Каковы мотивы претензий румынских помещиков на Бессарабию?

Эти мотивы румынские политики и дипломаты, разумеется, в разное время излагают по разному,—применительно к обстоятельствам и к тому, с кем в каждый данный момент идет разговор. Но можно, конечно, выделить из этих мотивов наиболее характерное.

В радио-телеграмме румынского правительства Народному Комиссару по иностранным делам РСФСР Чичерину от 10 ноября 1920 г., председатель румынского совета министров генерал Авереску и министр иностранных дел Таке-Ионеску, заявляют, что не может быть и речи об «аннексии» Бессарабии, поскольку эта провинция является «столь же румынской, как и остальная часть королевства,—провинцией, отделенной произвольным актом в 1812 году от Румынии, к которой она опять присоединилась по желанию, выраженному ее представителями».

Тот же румынский министр иностранных дел Таке-Ионеску говорит в ноте, адресованной т. Чичерину 18 ноября 1921 г.: «То, что вы называете Бессарабией, т.-е. Румынией между Прутом и Днестром, составляет абсолютно нераздельную часть ко-

ролевства Румынии, и не представляет никакой разницы с остальной частью королевства. Бессарабия, образовав из себя независимую страну, соединилась с Румынией, что не допускает никаких обсуждений с чьей бы то ни было стороны. Суверенное право Румынии (на Бессарабию) не создано лишь благодаря соглашению, заключенному в Париже 27 октября 1920 г. между Румынией, Британской Империей, Францией, Италией и Японией, а явилось в результате совершенного представителями Бессарабии акта присоединения, который и является решающим».

Таким образом, румынами выдвигаются два мотива: 1) мотив исторический,—Бессарабия, мол, уже прежде принадлежала Румынии и была у нее отнята, и 2) мотив «самоопределения»: Бессарабия - де сама высказалась за соединение с Румынией. К этому в литературных и политических выступлениях присоединяется обыкновенно и третий мотив: этнографический. — Бессарабия населена, главным образом, румынами.

Разобравшись в этих мотивах, мы увидим, что каждый из них порознь и все вместе решительно ни на чем не основаны. Все они—подтасовка фактов и наглая выдумка, ничуть не больше.

Мотив исторический.

Начать с того, что Бессарабия никогда не была отторгаема от Румынии. По крайней мере, в 1812 году, на который ссылается генерал Авереску, она не только не была отторгнута, но и не могла быть отторгнута от Румынии, ибо и самой Румынии тогда еще не существовало. Были тогда, кроме Бессарабии, княжества Молдавия и Валахия. Часть Бессарабии входила в состав Молдавии. Оба эти княжества, так же как и Бессарабия, находились под турецким владычеством.

По Бухарестскому мирному договору 1812 года Бессарабия была из'ята из-под турецкого владычества и подпала под власть России, а Молдавия и Валахия остались под властью Турции. И только в 1859 году Молдавия и Валахия, соединившись, освободились из под власти Турции и образовали самостоятельное государство. Нужно обладать большой дозой исторической безграмотности и политической наглости, чтобы утверждать, что от Румынии, создавшейся в 1859—61 г.г., была... в 1812 году отторгнута Бессарабия.

Когда один из деятельнейших агентов Румынии и руководителей всей предательской затеи по захвату Бессарабии, крупный помещик Херца, пытался начать,—правда, еще осторожно и с лицемерной ориентацией на Российскую республику,—осенью 1917 г.на совещании об автономии Бессарабии в

Кишиневе, проводить свои идеи, он смог сослаться на исторические данные только такого свойства, что в XVII веке Бессарабия была самостоятельной политической единицей. Как далеко это от «доказательств» Авереску!

Самый простой арифметический подсчет показывает всю беспочвенность этих «доказательств»: На протяжении последних 224 лет только три уезда Бессарабии находились под властью Румынии—и всего 22 года.

Некоторые румынские горе-историки, в подтверждение прав Румынии на Бессарабию, ссылаются на то, что некоторые поселения в Бессарабии основаны молдавскими господарями (князьями). Если забираться в очень уж седую глубь истории, то можно было бы ответить на это ссылкой на изданную английским министерством иностранных дел книгу о Бессарабии, где, между прочим, отмечается, что «славяне начали свое вторжение в Бессарабию в XI веке и оставили неизгладимые следы, как в расовом характере, так и в языке населений». Можно было бы сослаться еще и на «Повесть временных лет», т.-е. на известную летопись Нестора, написанную в начале XII века, где рассказывается о том, что две группы южной ветви южно-русских племен, «Уличи и Тиверьци седяху по Днестру и приседяху к Дунаеви», т.-е. жили именно в Бессарабии. Но можно и не так далеко забираться в прошлое. В самой Молдавии, т.-е. в коренной части Румынии, существуют и до сих пор города, основанные украинско-русскими князьями, например, Галац, Бырлад, Дорогой. Применяя систему доводов румынских публицистов и историков, можно было бы на этом основании строить притязания Украины и России на Молдавию, и на всю Румынию. Но мы, разумеется, не станем пользоваться такими рискованными методами.

Доказательства этнографические.

Так обстоит дело с «историческими» доказательствами. Не лучше—с этнографическими, т.-е. с теми доказательствами, которые ссылаются на нынешний национальный состав населения Бессарабии. Эта часть вопроса гораздо интереснее справок из покрытой пылью веков хронологии. Тут дело идет о жизненных интересах народных масс в настоящий момент.

Румыны и их подголоски и агенты в Бессарабии ссылались и ссылаются на то, что в Бессарабии румыны составляют 70% населения. Румыны—это в их представлении молдаване, молдавские крестьяне.

И в пределах Бессарабии, и в заграничной своей агитации румынские агенты не раз оперировали «Этнографической кар-

той Бессарабии», сфабрикованной (в Париже) таким «авторитетом», как... Алексис Ноур. Разбираясь в трагической истории предательства Бессарабии, нам еще не раз придется копаться в мутном болоте провокации, продажности и прочих доблестей целой стаи «героев» этой позорнейшей в истории цивилизованного человечества страницы. В стае этих провокаторов Алексис Ноур отнюдь не принадлежит к наиболее смелым, но в смысле наглости стоит далеко впереди других. Лет 20 без малого тому назад Ноур сотрудничал в прогрессивных русских газетах в Бессарабии. Потом он был заподозрен в причастности к царской охранке и, вместо реабилитации, предпочел исчезнуть с бессарабского горизонта. Вновь он выплыл на поверхность уже в качестве агента румынского правительства, и в этом почтенном качестве состряпал «Этнографическую карту» со своими мифическими 70% молдаван. При разборке архива кишиневской охранки, вскоре после февральской революции, было обнаружено письменное предложение Ноуром своих услуг по части политической провокации. Любопытнее всего, что в этом заявлении он восторженно говорил о любезной его сердцу провокации, как о деле в высшей степени моральном, полезном и принципиально необходимом. Вот руками такого принципиального, «идейного» провокатора делается теперь румынская этнография Бессарабии.

А на самом деле, по подсчетам вполне добросовестного статистика Неручева, в Бессарабии в 1917 году насчитывалось никак не более 47% молдаван.

Это,—в среднем, по всей Бессарабии. Относительно же распределения национального состава населения по отдельным уездам мы имеем следующие данные: только в четырех уездах Бессарабии,—Оргеевском, Сорокском, Белецком и Кишиневском молдаванское население составляет около 63—67%. В городах этих уездов, как и по всей Бессарабии,—значительное еврейское население, а в сельских местностях—даже в этих уездах большие и компактные группы украинцев и русских, в особенности по побережью Днестра. Например, в Сорокском уезде район железнодорожной линии Могилев-Подольский—Новоселица заселен главным образом украинцами, особенно местечки Атаки и Окница и их окрестности.

В остальных уездах Бессарабии молдаване составляют резко-выраженное меньшинство населения. В Северной Бессарабии, в Хотинском уезде свыше 60% составляет украинское население. Очень характерны данные и по Южной Бессарабии, по Измаильскому уезду,—одному из тех трех уездов, которые в последний раз только в 1878 г. были присоединены к России, а до того в течение 22 лет находились под владычеством Румы-

нии. Здесь молдаван всего 19%, болгар—31%, русских 44%, других национальностей—6%. В Аккерманском уезде молдаване также составляют незначительное меньшинство.

Таким образом, и национально-этнографические «доказательства» румынских помещиков и обслуживающих их весьма сомнительных «ученых» и совершенно несомненных провокаторов—критики не выдерживают. Не выдерживают даже в том случае, если принять на веру их утверждение, будто молдаване и румыны—одно и то же, одна национальность и в смысле общности кровного происхождения в далекие времена седой истории, и в смысле культурного единства в настоящее время.

На самом деле, Бессарабия и с нею молдаване на протяжении последних двух с четвертью веков только незначительную часть прожили под воздействием власти турецкой империи. А румыны из Молдавии и Валахии под властью турок провели большую часть этих двух с четвертью веков. Было бы смешно утверждать, что на населении не сказалась разница в воздействии двух различных культур, политических и экономических, двух совершенно различных государственных устройств.

И экономическое устройство было различно для крестьян по ту и по сю сторону Прута, отделяющего Бессарабию от «Старого Королевства», как его называют румыны (в отличие от «нового», с награбленными мародерским манером землями, которое румынские политиканы называют «Романиа Маре», т.-е. «Великая Румыния»). Достаточно отметить, что как ни тяжело жилось бессарабскому крестьянину до революции, под царским ярмом, но ярмо румынских бояр и «господарей» было еще более тяжким. Крестьяне Бессарабии имели земельные наделы гораздо большие, чем их запрутские «братья», и при всей своей бедности были значительно зажиточнее румынских крестьян. К тому же, по счастливому стечению историко-экономических условий, в Бессарабии не было крепостного права.

В Румынии положение крестьян было гораздо хуже, их зависимость от помещиков гораздо более тяжка, повинности и барщина разоряли их, издевательства всяческого рода принижали их человеческое достоинство. И в результате, в то время как даже в бурный 1905 год в Бессарабии было очень мало аграрных волнений,—румынское крестьянство в 1907 году поголовно восстало против своих угнетателей, и потребовалось громадное напряжение всех сил румынской «государственности», чтобы это восстание затопить в крови. Понесенные при этом румынскими крестьянами жертвы насчитываются десятками тысяч.

Экономической и торговой связи между Бессарабией и Румынией на протяжении последних веков не было. Обе страны—по преимуществу сельско-хозяйственные, с невысоким уровнем экономического развития при однородной продукции.

В такой обстановке не было места никакому культурному взаимодействию между странами по обе стороны Прута. Румыния,—с показным лоском ее специфической культуры второразрядных европейских кафе и бульваров, разумеется, и при желании не могла бы культурно воздействовать на Бессарабию. К тому же, занятая своими делами, она и не могла уделять внимания этому воздействию. Между тем, русская культура, развивавшаяся *вопреки самодержавию царей и аппетитам жандармов*,—в частности, литература русская,—оказали неотразимое влияние и на бессарабское население, в частности, на молдаванскую интеллигенцию,—правда, малочисленную.

Интересно прислушаться к тому, что уже через полгода после румынской оккупации сказал один из пламеннейших румынофилов, один из немногих идейных участников призвания румын (все почти остальные участники этого черного дела,—по большей части явные изменники, провокаторы или подкупленные авантюристы), старейший депутат «Сфатул-Цэрий» Н. Александри, в речи на собрании «Лиги Попорулуй» («Народной Лиги») в Кишиневе:

«Славянский гений, так неподражаемо отобразившийся в русской литературе, заразил и нас всех. И бессарабец—это уже не простой румын, а румын, так сказать, «производный». Не Бессарабия должна равняться по Румынии, а, наоборот, Бессарабия, по телу и душе которой прошла стовековая история России, имеет чем поделиться со своими братьями за Прутом».

Если очистить это признание от ненужной идеологической шелухи, то мы получим весьма верную оценку положения, особенно ценную и убедительную потому, что исходит она от ярого румынофила.

Итак, дело сводится к тому, что Бессарабия и в культурном отношении должна что-то дать Румынии. Не Румыния спасает свою «младшую сестру», а эта младшая сестра должна повести за собою закоснелую Румынию. Так преображаются на практике румынские «доказательства» из области этнографии, культуры и экономики.

Но раз не Румыния «спасает» Бессарабию, а, наоборот, Бессарабия призвана спасать и развивать Румынию, то тем более, нужно было спросить на этот счет мнения и желания самой Бессарабии. Румынские министры утверждают, что не только спросили, но Бессарабия даже «сама сказала» о своем

пламенном желании «воссоединиться»... с королевством, с которым она никогда прежде не была соединена. Посмотрим же, как спрашивали Бессарабию и как она отвечала.

„Сфатул-цэрий".

Органом предательства Бессарабии явился «Сфатул-Цэрий»,—«краевой совет», о котором мы уже упоминали. Поэтому все дальнейшее изложение будет вращаться вокруг этого горе-парламента и вокруг его деятелей. На «добровольном» решении Сфатул-Цэрия основан весь демократический шантаж, прикрывающий наглый захват Бессарабии.

Мы начнем с некоторых фактов, более отдаленных по времени, а, именно, с того, что было еще до «Сфатул-Цэрий». Нужно прямо сказать: история предательства Бессарабии не установлена еще во всех своих деталях, но основные ее этапы совершенно ясны. И позднейшая история насильственного захвата Бессарабии, кошмарные годы оккупации, взаимная грызня мародеров из-за жирного куска, бесстыдный торг политических шантажистов у полутрупа истекающей кровью Бессарабии,—проливают свет на многое и устанавливают тесную связь между различными обстоятельствами и фактами, которые в тот момент, когда происходили, казались случайными и ничем друг с другом не связанными. Нам придется остановиться на некоторых из них.

„Сознательные молдаване".

Еще лет за десять до революции образовалась в Бессарабии группа «сознательных молдаван», которые занялись пропагандой «молдавской национальной идеи». Для этой пропаганды они издавали еженедельную газетку. Она называлась «Кувынтул Молдовенеск». Как и всякая газета, в условиях царского режима, она подвергалась репрессиям. Это способствовало тому, что в глазах тех кругов, которые о ней знали, вокруг газеты и группы, ею руководившей, создавался некоторый ореол «революционности». Помилуйте,—страдальцы за идею! А идея-то была не только по существу контр-революционной, но и оплачивалась она... румынскими помещиками. Однако запрутские хозяева этой «идеи» особенного значения ей тогда не придавали, и денежная помощь их была настолько, повидимому, ничтожна, что и газетка, и группа влачили существование более, чем скромное.

В 1917 году, после февральской революции, группа «сознательных молдаван» стала больше выплывать на поверхность

политической жизни. Образована была Молдавская национальная партия, стали созываться с'езды и конгрессы, деятели «группы», весьма немногочисленной, но сплоченной,—стали фигурировать тут председателями, там товарищами председателей, здесь делегатами и представителями. Из этой же группы позже вышла большая часть бессарабских «министров» и «директоров».

Ряд отдельных выступлений группы уже с самого начала вызывал подозрения у людей менее легковерных, и особенно подозрительно было то, что большую часть своей работы группа проводила втайне, закулисно. Подозрения уже и тогда были вполне определенны: в «запрутской ориентации», т.-е. в стремлении к Румынии. Но эту свою ориентацию молдавские националисты всегда категорически отрицали, стараясь как можно дольше замести следы.

— «Мы смотрим за Прут?—с гневным недоумением и театральным пафосом восклицали они каждый раз.—Нисколько,—разве мы променяем завоевания нашей великой революции на румынское ярмо? Разве мы отречемся от нашей великой общей родины, российской республики? Нет, мы хотим, чтобы наш народ жил свободно в свободной России». В те времена такими возгласами еще можно было пускать пыль в глаза,—и более подозрительным людям приходилось на время умолкать...

Инкулец и К°

Вскоре после февраля прибыла в Бессарабию из Петербурга группа «ответственных работников» и «революционеров». Было их до полусотни. Конечно, были у них мандаты: от питерского Совета Рабочих Депутатов (не трудно было от него тогда мандаты получить), от Керенского,—от партии социалистов-революционеров.

Во главе этой группы был преподаватель одного из питерских учебных заведений Иван Инкулец, впоследствии исключенный даже из партии с.-р. за то, что на выборах выставил свою кандидатуру по списку, конкурирующему с той партией, представителем которой он номинально являлся. Еще позже Инкулец становится «бессменным» бессарабским министром во всех правительствах румынских помещиков, включая министерства консервативные. Он оказался неразборчивым, этот «профессор», который потом с таким презрением говорит о своем прошлом, когда он «тоже носил красный бант». Но пока, до поры до времени он этот бант носит и всюду показывает только мандат Керенского и партии социалистов-революцио-

керов. Благодаря таким мандатам, он становится помощником губернского комиссара Временного Правительства.

Дальнейшие события не оставляют сомнения в том, что Инкулец и его группа прихватили из Питера, кроме эсеровских, еще кое-какие другие «мандаты». Ведь кроме Керенского был в Питере и... румынский посланник Диаманди. Как были написаны мандаты Диаманди и какой они имели вид—этого мы не знаем. Эти мандаты никому из непосвященных не предъявлялись. За то впоследствии Инкулец получал от румынского премьер-министра и лидера консерваторов Маргиломана автомобили, а теперь он имеет роскошную виллу под Бухарестом и многое другое.

Словом, Инкулец,—заместитель губернского комиссара Временного Правительства,—и его компания принимается за работу. Они делали то же самое, что делала вся группа «сознательных молдаван». При всех публичных выступлениях решительно, и бия себя в перси,—отрицали даже тень сепаратизма в своих взглядах и стремлениях, а в подполье вели агитацию за Румынию, интриговали, плели тонкую сеть предательской паутины. Десятки их агитаторов рассеялись по Бессарабии для провокационной работы среди крестьянства. Беззастенчивость и дерзость инкульцов доходила до того, что они на организацию агитаторских курсов просили денег у «Румчерода», высшего революционного органа в крае. Мотив: в среде темного крестьянства нужно бороться с контр-революционными влияниями.

Не всем агентам Румынии посчастливилось так, как Инкульцу. Крестьяне,—эти самые «братья» молдаване встретили агитаторов запрутской «идеи» в буквальном мысле дрекольем. Но инкульцы умели извлекать политический капитал и из смерти своих агентов: они изобразили их жертвами революционной борьбы. Вот, например, помещенная в тогдашних газетах заметка (см. «Голос Революции» от 25 августа 1917 г.):

«Молдавские идейные работники понесли в последнее время тяжелые потери. На-днях вблизи Кишинева убиты два видных социалиста: адвокат Мурафа и городской землемер Годоража. Незадолго до этого убит в селе Костешты местный благочинный, а в с. Русешты—арендатор. Оба они были необходимыми и полезными работниками».

Для того, чтобы окончательно замести следы, господа, пославшие адвоката и землемера агитировать за Румынию, и социалисты, для которых благочинный и арендатор были «необходимыми и полезными работниками»,—с одной стороны, говорят о погибших, как о борцах за революцию, а с другой, инспирируют конец заметки: «Убийства эти совершены, повидимо-

му, не на почве контр-революционного движения и преследования социалистов: в Бессарабии много дезертиров, они, по всем данным, и являются виновниками».

Сваливают на дезертиров просто потому, что инкульцам невыгодно, чтобы кто-либо поближе заинтересовался обстоятельствами гибели их неудачливых агентов. Кроме перечисленных четырех убитых, были и пропагандисты румынофильских идей более счастливые: те были только избиты восторженными «братьями». Таких избиений были десятки.

А на празднике «единения румын» 21 октября 1918 г. в Кишиневе бывший военный министр «свободной Бессарабии» Герман Пынтя произносит речь, посвященную памяти Мурафы, Годоражи и других, которых оратор превозносит, как доблестных борцов за «национальную идею». О социализме, разумеется, уже ни слова. Спектакль закончен, маски не нужны. Можно открыть настоящее лицо.

Илья Катареу.

Весною 1917 года в одной из лучших гостиниц Кишинева поселился некий Илья Катареу. Он вел широкий образ жизни, однако личностью его никто не интересовался. В июне в Кишиневе и Яссах стали распространяться прокламации никому до того неведомой «народно-революционной партии», которая должна была «огнем и мечом», т.-е. террором, пролагать путь каким-то неопределенным завоеваниям революции. Эта программа-декларация была и по содержанию, и по изложению весьма замысловата, туманна и подозрительна. В числе учредителей «партии» оказался Илья Катареу, и тогда-то на него обратили внимание. Попавшие же в это время в Кишинев представители румынских социалистических партий отрекомендовали Катареу, как своего «старого знакомца», категорически утверждая, что если появился Катареу,—значит замышляется какая-нибудь провокация.

Программа Катареу (он, собственно, и представлял собою всю партию целиком), изложенная в 16 пунктах, говорит о войне до окончательной победы, для осуществления идеала великой Румынии с границей по реке Тиссе, о необходимости военной диктатуры для борьбы со всеми, работающими против интересов Румынии. Пункт второй этой программы, говорящий, повидимому, о намеченных «партией» способах борьбы—не опубликован. По этому поводу «Вестник Румынского Фронта» писал, что, если в результате образования партии Катарова произойдет еврейский погром, то виновниками его будут признаны сам Катаров и его анонимные товарищи.

«Вестник Румынского Фронта» не зря говорил о Катарове по поводу «программы» Катареу. Ибо Илья Катареу—это не кто иной, как уроженец Бессарабии. Юлиан Катаров. учившийся в гимназиях в Ананьеве. Кишиневе и Одессе. и бежавший по неизвестным причинам с военной службы из гусарского полка в Варшаве. Об'явившись затем в Румынии. дезертир Катаров поступает на службу к румынской охранке, и по ее заказу производит в Венгрии. в Дебречине. взрыв в доме венгерского архиепископа. не угодившего охранникам своей антирумынской политикой. Затем в Брашове он производит взрыв статуи венгерского короля Арпада. Оказавшись героем крупного международного скандала. Катареу был с трудом спасен румынской охранкой и затем продолжал выполнять ее поручения в Болгарии под именем Марусова. пока опять не попался на другой проделке. Катареу снова спасается в Румынию и принимает румынское подданство. Продолжая служить румынской охранке, он поступает на службу и русской охранки, давая сведения о русских эмигрантах. Эмигрантам он выдает себя за эсера. Изобличенный ими в причастности к румынской охранке, Катареу удаляется в Яссы. где находится другой провокатор, его приятель Алексис Ноур (о нем мы уже упоминали, когда рассказывали о фальсифицированной «этнографической карте»). Ноур ведет работу среди бессарабцев. Катареу к нему присоединяется. После февральской революции, продолжая именовать себя «эмигрантом». он выдает себя некоторым легковерным людям за комиссара временного правительства, присланного на фронт для борьбы с контр-революцией.

Когда, находясь в Кишиневе. Катаров обратил на себя внимание в политических кругах и в печати своей провокационной прокламацией. в президиум кишиневского исполкома поступили от военной контр-разведки сведения, что он был на службе у начальника румынской полиции Панатаеску. Вскоре Катареу был военными властями арестован. как дезертир. за свой давний побег из гусарского полка в Варшаве. Но в октябре он был вместе с другими дезертирами освобожден, и с группой дезертиров молдаван отправлен на службу в 1-й молдавский полк. формировавшийся вдохновителями «Сфатул-Цэрий». Ловкий, изобретательный, ничем не стесняющийся Катареу быстро сумел завоевать симпатии молдаван-солдат и был избран председателем полкового комитета. Беззастенчивый демагог, он уловил настроение момента и стал на полковых собраниях уснащать свои выступления выкриками против буржуазии и революционными фразами. Вскоре полк делегировал этого провокатора в исполнительный комитет совета военных депутатов.

Библиотека ин-та Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б)

Головокружительная карьера.

Во время выборов советом военных депутатов начальника Кишиневского гарнизона большинством голосов своего полка и ничтожным числом голосов других делегатов в начальники гарнизона проходит Катареу. Из простого солдата, «не имеющего смены белья», как он говорил на митингах, он сразу превращается в барина, живет в лучшей гостинице, кутит, играет в карты, и играет крупно. В исполком он уже не является, делами гарнизона не интересуется, зато его квартира превращается в форменное реквизиционное бюро. Не имея никакого на это права, он производит бесчисленные реквизиции в городе и уезде и затем за взятки освобождает реквизированное. Во двор молдавского полка сгоняются целые гурты скота, привозятся бочки вина и т. д. Реквизиции превращаются в сплошной грабеж, в центре которого стоит начальник гарнизона. Легко представить себе, как это разлагает весь гарнизон и как отражается на авторитете революционных войск в глазах населения. Но этого разложения именно и хочет клика темных дельцов, и за особые заслуги Катареу, приказом военного «директора» (министра), жуликоватого Германа Пынти, производится в полковники.

Наконец, чаша терпения переполнена. Грабительские подвиги «полковника» Катареу в истинном свете выявляют его перед лицом всего гарнизона. И, под давлением революционных военных организаций, даже совет генеральных директоров принужден в самый рискованный для себя момент согласиться на арест уличенного взяточника. Арестованный 1 января комендантом города, Катареу на автомобиле под конвоем препровождается в Одессу в распоряжение командующего одесским округом.

Через два дня в кишиневских газетах появляется сообщение о том, что одесскими властями Катареу освобожден. «Сообщение это,—замечает газета,—вызвало крайнее недоумение в местных революционно-демократических кругах».

Петлюровцы в союзе с провокаторами.

Недоумение разрешается весьма просто, если обратить внимание на то, что Катареу ухитрился попасть в руки не одесских военных властей, а только к одной из нескольких военных властей, соперничавших там в тот момент из-за власти. Он попал в руки комиссара украинской рады, известного контр-революционного полковника Поплавко. Конечно, По-

плавко поспешил освободить провокатора. и Катареу исчез с горизонта.

Причина простая: Катареу. агент румынской охранки,—для Поплавко это не было секретом,—был союзником украинской рады, наседавшей в это время на фронте на русские революционные войска. Катареу был только одним из звеньев единого «блока» украинской контр-революции. с Петлюрой во главе, русской контр-революции, представленной здесь на фронте царским генералом, главнокомандующим Щербачевым. перешедшим на службу к румынскому королю. и. на-ряду с разоружением и расстрелом революционных войск, посылавшим вагоны снаряжения Каледину и Краснову на Дон.—и. наконец, контр-революции румынской. руководившей подпольной работой румынских агентов, именовавшихся кишиневским правительством и «советом генеральных директоров».

До сих пор мы видели только внешнюю. показную сторону «работы» провокатора Катареу. Но этого вполне достаточно для того, чтобы составить себе представление о внутреннем содержании этой работы и о том. что в черной тайне делал Катареу. чтобы приблизить и облегчить захват румынами Бессарабии.

Есть сведения, правда, нуждающиеся в проверке. что румынское правительство впоследствии расстреляло Катареу. Всесторонне использованный провокатор знал слишком много тайн румынских правителей. и полезно было бы тайны эти навеки похоронить вместе с Катареу. Но—мертвые говорят и из гроба. И иной раз из гроба говорят даже провокаторы. но в таких случаях в их голосе легко услышать правду. А. может быть, и так, что сообщение об убийстве Катареу—только новый трюк, сфабрикованный румынской охранкой для того, чтобы создать обстановку. в которой он мог бы под новым именем успешно продолжать свою работу...

Провокаторы на исторической авансцене.

Мы не спроста столько рассказываем о провокаторах разного сорта. Освещение отдельных провокаторов нужно для того. чтобы уяснить себе всю ту историческую провокацию, которая кошмарным клубком свивалась вокруг «организующего центра» «Сфатул-Цэрий» и затем морем крови и слез захлестнула несчастную Бессарабию.

Мы рассказали о Ноуре. о «сознательных молдаванах», ставших «директорами» и «министрами». об Никулице и Катареу. Мы рассказали. конечно. не обо всех. Можно было бы еще множество страниц заполнить самыми увлекательными рассказами и о других румыно-бессарабских провокаторах,—и

эти рассказы были бы только бледным отражением действительности. Но и того, что уже рассказано, довольно, чтобы стали ясными тайные движущие пружины многих странных и таинственных дел достославного Сфатул-Цэрия.

Но раньше, чем перейти к Сфатул-Цэрию—еще одно замечание.

В фактах, изложенных выше, мало нового в смысле сенсационности каких-нибудь «разоблачений». Большая часть этих фактов была хорошо известна и наблюдателям, и особенно участникам событий 1917 г. на юге и в Бессарабии, если же не всем, то, во всяком случае, многим. Но едва ли не для всех, даже самых проницательных наблюдателей и участников этих дней факты оставались отдельными, разрозненными фактами. Дальнейшие события выяснили всю страшную связь между этими отдельными фактами и фактиками. И теперь они в наших глазах связаны друг с другом неразрывно, и в этой своей связи являются убийственным обвинительным актом против захватчиков Бессарабии. Конечно, не шесть лет оккупации Бессарабии понадобилось, чтобы все тайное стало явным. В основных чертах оно выявилось для всех уже в трагический момент вторжения войск помещичьей Румынии в пределы революционной Бессарабии. Вот почему это вторжение было встречено таким единодушным протестом, таким всеобщим противодействием.

Несомненно, вся румынская провокация в Бессарабии связывалась одним руководящим центром. Главный центр был, разумеется, за Прутом, но и в самую Бессарабию были брошены эмиссары, не выдвигавшиеся на авансцену, но дергавшие все секретные ниточки кукольной комедии с таким кровавым финалом.

Помещик Херца.

Херца—крупный бессарабский помещик, давно румынизировавшийся, эмигрировавший в Румынию. После февральской революции он снова появляется в Кишиневе. Его знают, как ярого руссофоба,—ненавистника русских. Но он не вылезает вперед. Он не агент-провокатор, добивающийся дешевых успехов. Он понимает, что его фигура сама по себе вызовет подозрения. И он—в стороне. Он не лезет в комиссары, не выступает на митингах, не протискивается в директориат, не становится в очередь к казенному пирогу. Он скромно и аристократически помалкивает. Но у тех, кому приходится с ним столкнуться, остается впечатление, что он знает очень много. И не только знает, но и что-то готовит.

Иной раз, впрочем, и хитрому, молчаливому, сугубо конспиративному и вместе с тем связывающему отдельные нити подлого заговора в густую сеть, в петлю для революции,— иной раз и осторожному Херца приходилось выступать более или менее публично. Вот он на совещании об автономии Бессарабии, созванном 20 июля 1917 г. вечером в помещении губернского правления в Кишиневе, под председательством губернского комиссара В. Г. Кристи. Совещание созвано в связи с претензиями Центральной Украинской Рады на власть над Бессарабией. И здесь, еще задолго до военно-молдавского с'езда, именно румынизированный помещик Херца впервые формулирует «необходимость» краевого национального совета, который мог бы решать судьбы Бессарабии.—такого самого, каким стал потом «Сфатул-Цэрий».

Херца ссылается на то, что даже Александр I после присоединения Бессарабии дал ей автономию, которую, правда, через 12 лет отнял, запретив молдаванам даже молиться на родном языке. Он утверждает, что после этого молдаване, опасаясь закрепощения, бежали из Бессарабии за Прут в турецкие земли *(даже Херца не рискует еще называть эти земли Румынией!)*, где им жилось «совсем недурно, так как турки их совершенно не преследовали» (цитируем по подробному отчету о совещании).

В противовес домогательствам украинской рады Херца представляет редкий исторический документ, где украинцы не упоминаются в числе населявших Бессарабию народностей. Затем он пред'являет географическую карту XVII столетия, на которой Бессарабия обозначена, как самостоятельная политическая единица. Не из архивов ли румынского правительства черпает Херца эти «редкие исторические документы»? Но и этот Херца, очевидно столь близкий к румынским архивам, на вопрос о том, какой автономии добивается они для Бессарабии, принужден еще, надев маску, говорить:

— Широкой территориально-политической автономии, *не влекущей отделения от великой российской демократии.*

Такова официальная платформа румынизированного помещика, тайного руководителя «национального движения» среди молдаван, которое господа Никульцы и провокаторы разных мастей до поры до времени прикрывают «красным бантом», пока хозяин-помещик, дирижирующий хором, не скажет: будет, довольно,—маски можно снять...

Посмотрим теперь, как,—еще до снятия масок,—эти господа проводят в жизнь свою платформу.

Как создавался „Сфатул- Цэрий".

Духовным отцом «Сфатул-Цэрий» является, как это ясно из предыдущего, крупный бессарабский помещик Херца, румынизировавшийся за Прутом. Воспреемником этого детища был, как мы тоже знаем уже, военно-молдавский с'езд. В последних числах октября 1917 г., через два-три дня после этого с'езда, в одесском органе Румчерода «Голос Революции» появилась статья ротмистра В. Чижевского, написанная в связи с слухами, циркулирующими среди населения по поводу резолюции этого с'езда.

«Что касается циркулирующих слухов о сепаратизме молдаван,—пишет ротмистр Чижевский,—то я, как председательствовавший на с'езде, должен определенно и категорически заявить, что большей лойяльности и преданности российской государственности, чем ту, которую я наблюдал у солдат-молдаван, трудно даже представить. На с'езде был момент, когда кто-то кого-то заподозрил в сепаратизме, и надо было видеть, какой переполох поднялся среди участников с'езда. Настоящее свое заявление я могу подтвердить протоколом закрытого заседания от 22 сего числа».

Разумеется, эти заявления нисколько не помешали ротмистру Чижевскому, впоследствии главному военному комиссару молдавского военного комиссариата, стать верным слугой румынского режима. Летом 1918 г., после беззастенчивого и грубейшего разгона румынами кишиневского городского самоуправления, Чижевский был румынскими властями назначен в заменившую выборную управу «временную комиссию по управлению городом». Но сделанное в октябре заявление Чижевского все же имеет ценность. Оно показывает, что даже за два месяца до захвата Бессарабии румынами нельзя было и заикнуться об ориентации на Румынию без риска сразу и бесповоротно потерять всякие общественные симпатии в Бессарабии, лишиться какой бы то ни было поддержки населения. Не рискуя быть политически уничтоженным такого рода «слухами» Чижевский старательно их опровергает,—так же, как и до него, и еще два месяца после него обеляли себя все герои бессарабского предательства, как только какое-нибудь неосторожное или слишком проницательное разоблачение грозило раньше времени раскрыть их крапленые карты.

Но вот слухи рассеяны, доверие еще раз спасено, и организационная комиссия Сфатул-Цэрий принимается строить краевой совет, который скоро станет вершителем судеб трех миллионов жителей Бессарабии. Пусть о дальнейшем расскажут выдержки из протоколов этой организационной комиссии, образованной военно-молдавским с'ездом.

Из протокола № 2, от 30 октября. «Распределение 10 мест в Сфатул-Цэрий от молдавских организаций следующее: организации народных учителей—1 место, организации преподавателей средне-учебных заведений—1 место (принято всеми против двух), организации железнодорожников—1 (единогласно), молдавской национальной партии—2 места (единогласно), кооперативам—1, губернскому земству—1, организации духовенства—1 (принято всеми против двух воздержавшихся), культурно-просветительному обществу—1 (принято всеми при одном воздержавшемся), молдавской женской организации—1 место (единогласно). Всем вышеуказанным организациям избрать в Сфатул-Цэрий обязательно молдаванина».

Из протокола № 4, 2 ноября. «Распределение 36 депутатских мест в Сф.-Ц. между национальными меньшинствами Бессарабии. Предоставить: украинцам—10 мест (принято 12 против 4), евреям—10 (единогласно), немцам—2 (единогласно), цыганам—2, великороссам—5, болгарам—2, гагаузам—1, полякам—1, армянам—1, грекам—1 (принято 12 против 3), остальным мелким нациям вместе 1 место (принято всеми при 2 воздержавшихся».

Из протокола № 6, от 4 ноября. «Распределение депутатских мест С.-Ц. между городами, земствами и революционными демократическими организациями. Постановлено: Предоставить места в Сфатул-Цэрий представителям организаций, стоящих на федеративно-демократической платформе. Избрать комиссию из пяти лиц, которой поручить составить проект распределения мест в С.-Ц. между организациями, стоящими на федеративно-демократической платформе. Места распределить так, чтобы число депутатов в Сфатул-Цэрий не превысило 150 и не нарушило бы процентного соотношения национальностей, 70% молдаван и 30% других национальностей, установленного съездами кооперативов, крестьян и военных молдаван. В комиссию избраны: Инкулец, Ерхан, Ионко, Буздуган и Халиппа».

Творчеству этой великолепной пятерки и обязана Бессарабия той талантливой таблицей распределения мест, которая легла в основу организации Сфатул-Цэрия и благодаря явной подтасовке совершенно нелепой «статистики» сразу лишила Сфатул-Цэрий авторитета какого бы то ни было представительного органа в глазах каждого добросовестного человека. Приводим эту таблицу целиком. Вопрос о правомочности Сфатул-Цэрия—убийственный для румынских министров вопрос. В этом вопросе нужно вооружиться исчерпывающими данными. Эти данные лучше всего покажут, как беспочвенны притязания румынских помещиков. *Предписывалось* составить Сфатул-Цэрий так:

Распределение мест в Сфатул-Цэрий.

Наименование национальн. полит. партий и организаций.	Общее колич.	Молдаване.	Украинцы.	Евреи	Русские.	Болгары.	Немцы.	Поляки.	Армяне.	Греки.	Гагаузы.
1. Военно-молдавский конгресс и орган.	44	44	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2. Совет крестьянских депутатов (молдав.).	30	30	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3. Губернское земство	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4. Уездное земство.	9	7	2	—	—	—	—	—	—	—	—
5. Г. Кишинев.	3	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—
6. Уездные города.	8	5	1	—	1	1	—	—	—	—	—
7. Губернский Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.	3	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—
8. Социал-Революцион. партия.	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
9. Социал-Демократич. парт.	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
10. Народно Социалистическая партия.	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
11. Молдавская партия.	3	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12. Кооперация	5	4	—	—	—	—	—	—	—	—	1
13. Юристы.	2	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
14. Железно-дорожная организац.	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
15. Почтово-телеграфная организ.	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
16. Союз союзов	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
17. Культур.-просветит. Общество.	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
18. Учительский союз Бессарабии.	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
19. Организация духовенства	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20. Украинцы	10	—	10	—	—	—	—	—	—	—	—
21. Учительский союз молдав.	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
22. Евреи.	10	—	—	10	—	—	—	—	—	—	—
23. Болгары.	2	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—
24. Немцы	2	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
25. Гагаузы.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
26. Поляки	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
27. Армяне	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
28. Греки.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
29. Молдавская женская лига.	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
ИТОГО	149	105	15	13	6	3	2	1	1	1	2

Статистика захватчиков.

Конечно, эту фантастическую таблицу Инкулец. Халиппа и компания «мотивировали» статистическими данными. Создать революционно-демократический орган. в котором национальности были бы представлены пропорционально их численности, дело трудное.—жаловался Халиппа в заседании Кишиневской городской думы, отстаивая проект организованного бюро Сфатул-Цэрий. Статистика населения Бессарабии. основанная на имеющихся материалах.—говорил он.—неверна, а новая перепись, производимая земством, еще не закончена. Но, несмотря на это, Халиппа свои цифры имеет и исчисляет состав населения Бессарабии так: молдаван—70%, украинцев—15%. евреев 13%, русских 7%, болгар 3%. немцев 3%, гагаузов 2% остальных (греков, армян, поляков) 1%. На этих цифрах и покоится вся постройка. Тут приходится столкнуться с довольно своеобразной арифметикой. ибо, во-первых. оказывается. что в Бессарабии в итоге... 114% населения вместо обычных для других стран 100%. Во-вторых. если при наличности даже 70% молдаван число депутатов-молдаван определяется в 105 человек. то совершенно ясно. что такая же пропорция должна быть соблюдена и в отношении остальных национальностей. и тогда депутатов-украинцев должно быть 22. евреев—20. русских—10—11. и т. д. А им предоставлено—в полтора раза меньше мест.

Какова арифметика, такова и «политика». Халиппа любезно приглашает кишиневскую городскую думу послать в Сфатул-Цэрий трех делегатов, но требует, чтобы один из них обязательно был русский. 1 молдаванин и 1 еврей. Дума резко протестует против того, что ей навязывают состав делегатов. В результате дума постановляет избрать трех делегатов. но не по национальному признаку. а по признаку персонально-партийному. Избраны 1 народный социалист. 1 соц.-демократ. 1 эсер. По национальности: 2 русских. 1 еврей. Но самое существенное то. что дума посылает своих представителей лишь с информационной целью. для переговоров о реорганизации краевого совета. и оставляет за собою право в любой момент отозвать их из Сфатул-Цэрий. Кишиневская дума—не единственный орган, пославший в Сфатул-Цэрий своих делегатов с такими оговорками. которые тоже ставят под большое сомнение тот безусловный апломб и авторитет, с каким Сфатул-Цэрий впоследствии решал судьбы края.

Остается к этому добавить. что зато ряд организаций. которым по списку Халиппы-Инкульца предоставлены места.—пред-

ставляют истинный блеф и в полном смысле этого слова— «мертвые души». И вместе с тем, в таблице отсутствуют даже из «удостоенных» в протоколе № 4—великороссов 5 и цыган—2.

Фальсифицированное представительство.

Так был сформирован Сфатул-Цэрий. Совершенно ясно, что он явился сознательной и беззастенчивой фальсификацией представительства. «Совет» ни в малейшей степени не соответствовал «демократическим» принципам представительства. Тут не было и намека на «четыреххвостку». В то же время в нем не было намека и на классовое представительство по советской структуре. Если в Сфатул-Цэрий и были допущены представители социалистических партий, то уже количественно, заранее подтасованным соотношением сил, они были обречены на самую жалкую роль даже в тех случаях, когда, говоря от имени масс рабочих и трудящихся, они пытались бы выразить действительную волю этих масс. В речах меньшевиков, эсеров, «народных социалистов» такого соответствия было, конечно, мало...

Таким образом, в Сфатул-Цэрий не были представлены и выражены ни воля всей буржуазии, ни воля рабочих и крестьян. Это была шулерская подтасовка, нужная для того, чтобы за спиною масс проделать Иудино дело в угоду помещикам и генералам Румынии.

Но картина получится еще более яркая, если мы ближе присмотримся, каким способом даже этот подтасованный орган выражал мнения и настроения народных масс. Мы увидим, что в целом *даже этот шулерски-построенный краевой совет ни разу по собственной воле не высказался за какое бы то ни было присоединение к Румынии,* и то, что потом говорилось в этом смысле, было сказано даже не этим злосчастным Сфатул-Цэрием от имени населения Бессарабии, а просто кучкой подкупленных негодяев—от имени Сфатул-Цэрия. Ибо даже этот злополучный горе-парламент приходилось в буквальном смысле расстреливать, чтобы заставить кучку уцелевших «депутатов» молчать в то время, как на их глазах или в их отсутствие компания негодяев становилась на колени перед румынским королем, кощунственно называя этого ставленника помещиков Румынии и банкиров Франции—«королем крестьян».

Пока Сфатул-Цэрий был окружен революционным народом, бессарабскими рабочими и крестьянами, а не армией румынских генералов, и должен был считаться с волей масс, он не смел говорить ни о каких присоединениях. Даже возглавлявшие его негодяи понимали, что стоит им только слово сказать о Румынии,—и их не спасет никакая фальсификация: ра-

бочие и крестьяне Бессарабии поступят с ними по заслугам. Послушаем, что говорит Иван Инкулец, бывший эсер и будущий министр румынского короля Карла и реакционного премьер-министра Маргиломана на открытии Сфатул-Цэрия 21 ноября 1917 года:

Речь председателя Иннульца.

(По протоколу заседания).

«Граждане депутаты! Благодарю вас за ту высокую честь, которую вы оказали мне избранием на пост председателя первого Бессарабского парламента, которого так долго ожидали лучшие сыны нашего края.

В грозный момент мы собрались. Российская республика находится в огромной опасности. Отсутствие власти в центре и анархия, охватившая всю страну, угрожают гибелью всему государству.

Единственное спасение республики в организации отдельных частей будущей великой федерации. Историческим ходом событий создалось такое положение, что только отдельные части республики могут создать из себя организованную силу, способную с другими такими же организованными частями республики удержать государство от полного развала и сохранить завоевания революции.

И Бессарабия должна быть организована, при чем,—кто знает!—быть может, в ближайшем будущем в целях установления государственного порядка, во имя завоеванного российской революцией принципа полного самоопределения народов, Бессарабия должна будет стать *демократической республикой, составляющей нераздельную часть великой российской федеративной демократической республики.*

Впредь же до созыва бессарабского учредительного собрания и до установления принципа федерации общероссийским учредительным собранием, верховным органом в Бессарабии должен стать Сфатул-Цэрий, составленный из представителей демократических организаций, органов самоуправления, политических партий и представителей национальностей. Огромной важности задачи стоят пред С. Ц. Сфатул-Цэрий должен гарантировать полную свободу работы органам местного самоуправления, выбранным на основе всеобщего избирательного права, приняв, вместе с тем, на себя заботу, чтобы на этой же основе были избраны и стали правильно функционировать все оставшиеся еще не демократизированными органы общественного самоуправления. На Сфатул-Цэрий лежит священная обязанность направить жизнь края по руслу закона. Ибо не

может быть порядка без соблюдения законов. Но, вместе с тем, Сфатул-Цэрий должен стремиться к тому, чтобы законодательные мероприятия стали в необходимое соответствие с народным самосознанием. Гарантируя свободу слова, личности, совести, собраний, неприкосновенность жилища, Сфатул-Цэрий должен принять все меры к действительной охране всех этих благ гражданской жизни.

Права национальных меньшинств должны быть гарантированы. В свободной Бессарабии не должно быть места державным нациям. Граждане депутаты, к вам, а чрез ваши головы—ко всем живущим в Бессарабии, обращаюсь я: в настоящий грозный момент, когда мы все стоим на краю бездны анархии, братского кровопролития, нищеты, голода и холода, я братски приглашаю вас установить единый революционный фронт, сплотиться дружными усилиями вокруг своего краевого органа и забыть на время все мелочные и эгоистичные интересы. И тогда мы спасем наш край и удержим от окончательной гибели *нашу общую родину—Великую Российскую Демократическую Республику*. И свобод, с таким трудом завоеванных народом, никому и никогда не отдадим».

Таков же смысл и декларации, принятой *всем* Сфатул-Цэрий 2 декабря 1917 года.

Различные ориентации „Сфатул-Цэрия".

Но, вот, на-ряду с этими совершенно категорическими заявлениями торжественных заседаний Сфатул-Цэрия в полном его составе,—мы видим перед собой ряд ловких фокусов, на которые теперь опираются румынские министры в своих стараниях оправдать «перед лицом цивилизованного мира» разбойный захват Бессарабии. Как об'яснить загадку «ориентаций» Сфатул-Цэрия? Мы ее, в сущности, уже об'яснили. А теперь—подтвердим об'яснение новыми фактами. Они в изобилии собраны в составленной в 1919 г. одесским «Комитетом Спасения Бессарабии» любопытной записке «Об ориентациях Сфатул-Цэрия». Приведем из нее выдержки:

«В течение декабря 1917 года на страницах официального органа Сфатул-Цэрий, называвшегося «Известиями Верховного Краевого Совета Бессарабии», неоднократно идет речь об участии Бессарабии в создании Центральной Русской Власти. В передовых статьях указывается, что краевые автономные провинции, подобные Бессарабии, могут существовать спокойно и чувствовать себя гарантированными от посягательств извне лишь при условии образования сильной центральной власти России. (№№ 3, 18 и др.).

«Таким образом, Сфатул-Цэрий в этот период своего существования держался вполне определенной чисто русской ориентации и его ответственные представители на высказываемые опасения, как бы Бессарабия не попала во власть Румынии, неизменно всячески отрицали ориентацию «за Прут», как это было в Краевом с'езде городов, и всегда усиленно подчеркивали свои чувства к общей родине—Великой России.

«Особенно характерна в этом отношении речь г. Халиппы, произнесенная им в заседании Сфатул-Цэрия 27 декабря 1917 года.

Между прочим, он говорил: «Нас вечно обвиняют в том, что у Сфатул-Цэрий румынская ориентация, что большинство его косится за Прут. Эта мысль повторяется на все лады.

«*Враги Сфатул-Цэрий желают ее использовать для того, чтобы рассорить народные массы с Краевым органом*, и тем самым положить конец тем начинаниям местной краевой политики, которые направлены на то, чтобы использовать местные силы края для его процветания».

«В этой речи весьма интересно признание ярого румынофила Халиппы, что румынская ориентация Сфатул-Цэрий могла рассорить его с народными массами,—следовательно, признание, что народные массы настроены против об'единения Бессарабии с Румынией.

«В № 2 1918 г. от 3 января газеты «Сфатул-Цэрий» весьма интересна передовая статья, исходящая от редакции, избранной Сфатул-Цэрий, прямо отвечающая на вопрос об ориентации, что указывает и ее заглавие: «Естественная ориентация».

«Последние заседания Сфатул-Цэрий выявили полностью международно-политические тенденции руководителей нашей краевой жизни,—так начинается эта статья. «Определенно обозначилась наша восточно-днестровская ориентация... Только сумбур окружающей жизни и нервозность психики некоторых кругов населения могли вселить в встревоженное сознание граждан мысль с какой-то румынской ориентации.

«Для молдавской республики Прут должен стать в дальнейшей истории края не только географической границей, но и границей политической.

«За Прутом начинается другая область, где царствует другой дух, другие политические и социально-экономические устремления»...

Кончается эта статья следующим заявлением: «Российские и молдавские народы сообща выкуют благоденствие свое; не с отсталыми в политическом и экономическом отношениях народами пойдем мы рука об руку, а с народами, идущими за

передовыми революционными демократиями: *не за Прут, а за Днестр лежит наш путь*».

Прервем на несколько минут выдержки из записки «Комитета Спасения Бессарабии» небольшой справкой о роли социалистов в Сфатул-Цэрий и их уходе оттуда 29 декабря 1917 г. Больше мы их в этом почтенном учреждении уже не встретим.

Сфатул-Цэрий, „Румынский вопрос" и социалисты.

Фактическая справка, напечатанная в «Бессарабской Жизни» 9 января 1918 г., когда румынский кулак был уже занесен над Кишиневом.

«Когда в закрытом заседании Сфатул-Цэрий в речах генеральных директоров появились первые туманные намеки на возможность для борьбы с анархией и аграрными беспорядками на территории Бессарабии призыва в числе прочих иностранных и румынских войск, социалисты подняли тревогу и потребовали от генеральных директоров категорических заявлений, что эти войска призваны не будут.

«Генеральные директора такие заявления делали неоднократно. Однако был ряд обстоятельств, заставивших не только социалистов, но и широкие круги демократии отнестись к этим заявлениям с известным недоверием. На следующем уже открытом заседании был ребром поставлен все тот же вопрос. Заседание приняло чрезвычайно бурный характер из-за речей представителей социалистических партий Н. Е. Гринфельд и В. И. Гринфельда, министра социал-демократа, подавшего в отставку из-за несогласия своего с политикой генерального директориата, именно в вопросе о вводе румынских войск.

Ораторы социалисты в резкой форме протестовали не только против ввода румынских войск, но и против всей бессмысленной и противоречивой политики генерального директориата. заявившего на этом заседании, вопреки всем прежним уверениям, что румынские войска будут введены и что делается это будто бы по распоряжению ставки Щербачева. Представители социалистических организаций вынесли по этому поводу резолюцию, в которой указывали на недопустимость всех мероприятий, могущих привести к фактической оккупации Бессарабии румынскими войсками и тем самым создать опасность отторжения ее от единой российской республики. Присоединение Бессарабии к феодальному румынскому королевству привело бы к крушению всех завоеваний революции и к провалу всех чаяний демократии на разрешение земельного вопроса в интересах трудового крестьянства. Самое же появление румынских войск на территории Бессарабии может привести к гражданской войне со всеми ужасными последствиями.

«Исходя на этих соображений, представители социалистических партий протестовали против политики ген. директориата в этом вопросе. Как известно, большинство Сфатул-Цэрий не стало на точку зрения социалистов, вотировало полную свободу действий генеральному директориату и тем самым сочло возможным санкционировать «балканскую политику» руководителей правительства молдавской республики, политику противоречивых деклараций и тайных дипломатических сношений.

«В виду этого, представители социалистических партий (Российской Социал-Демократической рабочей партии, Бунда, социалистов-революционеров, народных социалистов, еврейской об'единенной социалистической партии и исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов) заявили, что, не считая для себя возможным разделять вместе с большинством Сфатул-Цэрий ответственности за политику генерального директориата, они поставят на обсуждение представляемых ими организаций вопрос о своем дальнейшем пребывании в Сфатул-Цэрий.

«Однако еще до принципиального решения социалистических организаций представители их фактически вышли из Сфатул-Цэрий: на следующем же заседании обострившееся, благодаря непримиримой позиции, занятой накануне социалистами, отношение к ним со стороны большинства Сфатул-Цэрий привело к ряду инцидентов, повлекших за собой демонстративный уход представителей р. с.-д. р. п., Бунда, нар. соц., украинских с.-р. и исполнит. комитета.

«Между тем, события развернулись с катастрофической быстротой, и зловещие происшествия последних дней доказали, как правильна была позиция социалистов, предостерегавших руководящие круги Сфатул-Цэрий от тех шагов, которые могли бы привести и фактически уже привели к кровавым столкновениям».

Воля крестьян-молдаван.

Возвращаемся теперь к записке «Комитета Спасения Бессарабии» об «Ориентациях Сфатул-Цэрий».

Уже после вступления румынских войск в Бессарабию, уже после того, как была во весь размах показана устрашающая кровавая мощь оккупации, в Кишиневе происходил 3-й крестьянский с'езд, избравший около 30 депутатов в Сфатул-Цэрий. Как же отнесся к румынам этот с'езд, представлявший бессарабских крестьян-молдаван, столь любезных братскому сердцу румынского короля? Послушаем страшный рассказ

«Комитета Спасения»,—поистине страшный, при всей его сухости и протокольности:

«Несмотря на репрессии, несмотря на ввод румынских войск на заседания с'езда, несмотря на аресты членов с'езда и расстрел без суда почти всего состава его президиума, выбранные с'ездом депутаты Сфатул-Цэрий до конца его существования составляли оппозицию, и при голосовании акта 27 марта заявили о своем воздержании, не признавая Сфатул-Цэрий правомочным для решения вопроса о политической судьбе Бессарабии, а также подписали в ноябре 27 числа 1918 г. протест против постановлений Сфатул-Цэрий, указывая на незаконность их. Закончился этот крестьянский с'езд в присутствии румынских войск, и тем не менее, члены с'езда расходились с возгласами: «Да здравствует Российская Демократическая Республика!».

«Таким образом, вступление в состав Сфатул-Цэрий этих новых депутатов не могло повлиять на изменение ориентаций его большинства.

«И, действительно, когда 22 января 1918 г. обсуждался вопрос в Сфатул-Цэрий о провозглашении Бессарабии независимой Народной Республикой, необходимость этого акта мотивировалась тем, что Украина отложилась от России, и таким образом, связь Бессарабии с Россией прервана.

«И в этот момент румынская ориентация не обнаруживается. Декларация об об'явлении независимости Бессарабии вполне определенно говорит о полной независимости, подчеркивая, что «румынские войска имеют своей исключительной целью охрану железных дорог и хлебных складов для фронта», что «другой цели румынские войска на территории Бессарабии не имеют». «Гарантией того, что румынские войска не угрожают опасностью нашей самостоятельности, нашей свободе и правам, завоеванным революцией, служит ручательство Франции в согласии с Англией и Америкой, а также заявления представителей Румынии»,—говорится далее в декларации.

«24 же января в кишиневских газетах от имени совета Генеральных Директоров Молдавской Народной Республики опубликовано было заявление французского посланника в Румынии, облеченное в форму письма французскому консулу в Кишиневе о том, что он и его сотоварищи, представители союзных держав, уполномочены заявить, что румынские войска пришли в Бессарабию исключительно с целью обеспечить правильное функционирование тыла румынского фронта, и что «ввод румынских войск не может иметь никакого влияния как на настоящее политическое внутреннее положение страны, так и влиять на политическую будущность Бессарабии».

«Документ этот написан был по просьбе Совета Генеральных Директоров. Опубликован он, по их же об'яснению, «в виду распространяемых среди населения провокационных слухов о целях прибытия румынских войск».

«Ясно, что население было настолько настроено против румын, что руководителям Сфатул-Цэрий пришлось прибегнуть к столь героическому средству, как заверения иностранных дипломатов, для доказательства отсутствия у них румынской ориентации.

«Но постепенно официальная ориентация вождей Сфатул Цэрий меняется. Весьма возможно, даже почти несомненно, что и раньше эта кучка людей была настроена румынофильски, но в виду явного антирумынского настроения масс они пока боялись движения среди этих масс, должны были скрывать свои истинные чувства и намерения.

«Но чем сильнее становился румынский гнет, тем более и более терроризовались народные массы насилиями и жестокостями румынских солдат и жандармов.—тем откровеннее и циничнее становились заявления вождей Сфатул-Цэрий.

«К концу февраля 1918 г. они уже не скрывают своих румынофильских стремлений, и, вместо призывов поддержать «общую родину—Россию», что говорилось в речи Никулина при открытии Сфатул и в декларации Сфатул-Цэрий, 2 декабря 1917 года, появляются нападки на угнетателей русских, указания на исконные якобы стремления населения Бессарабии отделиться от России для присоединения к «родине-Румынии».

«Когда, направляясь на Бухарестскую мирную конференцию в качестве представителей Сфатул-Цэрий, Никулец и Чугуряи застряли в Яссах, то на торжественной их встрече там г. Чугуряи говорил, между прочим: «В течение прошедших 108 лет рабства нам было запрещено все. Нам было запрещено обнимать своих запрутских братьев и слушать прилив нашей общей родины-Румынии».

«Далее ориентация Сфатул-Цэрий, в лице его большинства и вождей Сфатул-Цэрий, делается все определеннее и определеннее румынской. В марте 1918 года Сфатул-Цэрий принимает акт о присоединении к Румынии на условиях довольно широкой автономии, постепенно эта автономия, при молчании, и часто даже при содействии ответственных вождей Сфатул-Цэрий и его большинства, урезывается, и, наконец, в ноябре 1918 года созывается без оповещения всех членов Сфатул-Цэрий его заседание, на котором даже нет кворума, и в 5 часов утра принимается аннулирование всяких условий присоединения.

«Об'яснение тому странному явлению, что тот же самый личный состав Сфатул-Цэрий, который в ноябре 1917 года—январе 1918 года проявлял чисто русскую ориентацию и всячески отвергал «обвинения» (выражение г. Халиппы) в тенденции «за Прут», следующие полгода все более и более проникался румынскими устремлениями, следует искать в фактическом положении Бессарабии.

«К концу февраля румынские войска освободились с фронта вследствие прекращения военных действий против австро-германской армии.

«К этому времени почти вся Бессарабия была уже оккупирована и терроризирована румынскими войсками.

«При таких условиях вожди Сфатул-Цэрий уже потеряли, с одной стороны, надежду на поддержку со стороны запуганных народных масс в своих стремлениях к России, если такие стремления действительно у них были,—с другой стороны, исчезла опасность воздействия со стороны этих масс в случае «ссоры» (опять выражение г. Халиппы) с этими массами из-за проявления румынских стремлений, не встречающих в населении сочувствия. Под давлением румынских войск и жандармерии все существовавшие в Бессарабии организации были разбиты и утратили возможность действовать и так или иначе влиять на жизнь края.

«Сфатул-Цэрий» превратился в послушное орудие румынской государственной власти и находился все время под ее прямым воздействием.

«Голосование акта 27 марта дало следующие результаты: 86—за присоединение, 3—против, 38—воздержалось от участия в голосовании. За этот акт голосовали, главным образом, делегаты Военно-молдавского Конгресса и представители различных молдавских организаций, частью фиктивных, частью нарочито для посылки делегата в Сфатул-Цэрий созданных. Воздержались от голосования делегаты, избранные III крестьянским с'ездом, и представители национальных меньшинств. Мотив воздержания: Сфатул-Цэрий является органом не правомочным решать вопрос о политических судьбах края. Из представителей национальных меньшинств только один, поляк, голосовал за присоединение Бессарабии к Румынии.

«Если принять во внимание обстановку, при которой происходило заседание Сфатул-Цэрий 27 марта 1918 года, если учесть, что на этом заседании участвовал сам Маргиломан с военным румынским министром Гиржеу, окруженный свитой румынских генералов («Сфатул-Цэрий» № 70 от 29 марта 1918 г.), если учесть, что вся Бессарабия была к этому времени оккупирована и терроризирована румынскими войсками,

что несколько членов самого Сфатул-Цэрий были арестованы и расстреляны без суда, что во время заседания здание, где оно происходило, было окружено румынскими войсками («По улице Голенищева-Кутузова, ведущей к парламенту, и по Садовой улице, где парламент помещается, расставлены были войска и жандармы, а возле парламента поставлен был почетный караул»; так изображает обстановку этого заседания официальный орган «Сфатул-Цэрий» № 70 1918 г.),—если учесть все эти факторы, то станет ясно, чем объясняется изменение ориентации Сфатул-Цэрий при этом голосовании, когда тот же персональный состав его, признававший своей родиной Россию (декларация 2 декабря 1917 г.) через три с половиной месяца признал «матерью-родиной» Румынию.

«Это—воздействия внешние, видимые. Были и воздействия «невидимые». К таким «невидимым» воздействиям следует отнести, между прочим, раздачу отдельным членам Сфатул-Цэрий хорошо оплачиваемых должностей, что практиковалось в самых широких размерах.

«Перед созывом следующей, последней сессии, в ноябре 1918 года были высланы многие влиятельные депутаты Сфатул-Цэрий, чтобы провести в его заседаниях полный отказ от автономии *).

«Все лето работала Конституционная Комиссия Сфатул-Цэрий и выработала проект конституции Бессарабии, как автономной провинции. Основные положения, принятые этой комиссией, довольно широко определяли автономные права Бессарабии. Закончила свои работы Комиссия в середине ноября, а 27 ноября те самые лица, которые вырабатывали «автономию Бессарабии» (напр., тов. председателя Комиссии В. Ю. Бырка), голосовали за упразднение всякой автономии и безкондиционное присоединение к Румынии». (Этот самый Бырка с декабря 1918 года оказался директором земледелия с крупным окладом содержания).

«Опять наблюдается изменение взглядов при соприкосновении с требованиями румынской государственной власти».

Сфатул-Цэрий по своему составу и способу образования не может считаться выразителем воли населения. Постановления же этого Сфатул-Цэрий трудно считать выражением даже его подлинных настроений.

---

*) Эта высылка так описана в тогдашних газетах:

„10 ноября к видным представителям фракции меньшинства в Кишиневе явились из полиции.

— Вас желает видеть новый румынский комиссар Мардареско.

Депутаты простились с семьями, запечатали завещания и пошли с провожатыми—в участок... Там их арестовали, доставили на вокзал и

Еще о 24 января и 27 марта.

Стоит несколько подробнее остановиться на некоторых из упомянутых выше исторических дат, к которым лицемерно взывают румынские министры в своей болтовне о «свободно выраженной воле» бессарабцев.

Прежде всего—о 24 января 1918 года.

О том, что руководители предательского «Сфатул-Цэрия» учинили комедию провозглашения «независимости» Молдавской республики 24 января 1918 г., как переходной ступени к «об'единению» с Румынией, определенно свидетельствуют их собственные позднейшие признания. В газетах, в речах, в парламенте эти предатели неизменно подчеркивали свои заслуги по умелой подготовке «воссоединения» Бессарабии.

Да и задолго до созыва «всерумынского» парламента те же откровенные признания проскальзывали в рептильной бессарабской печати, обслуживавшей интересы предателей.

Так, напр., в передовой статье газеты «Бессарабский Вестник» от 24 января 1919 г., посвященной годовщине «акта независимости», читаем:

«Этот день, 24 января 1918 г., был только днем первого поворотного момента в исторической судьбе Бессарабии. Окончательно определилась судьба края в последовавшем акте, в более важный и более значительный момент. Но начало положено в этот день—24 января 1918 г.».

сказали, что отправят в Ясы. Но в городе уже стало известно об аресте, подняли шум, побежали к французскому консулу. Консул—как представитель великой демократии—сейчас же вмешался: что, мол, это происходит. Ему ответили: внутреннее дело. Во внутреннее дело консул мешаться не стал. Но все же стало неудобно отправлять арестованных на Ясы: им сказали, что отправят в Одессу—это значит через Днестр. В Кишиневе эти слова имеют столь определенный смысл, что арестованные стали всячески стараться, чтобы их кто либо сопровождал. Вызвался было секретарь французского консула, но румыны это предложение отклонили. Тогда с арестованными поехал секретарь президиума Сфатул-Цэрий. Днестр ничего любопытного не увидел.

Арестованные высланы и доставлены в Одессу, как депутаты, так и не депутаты, как социалисты, так и кадеты,—но все из „меньшинств“ и все явные или тайные руссофилы, а главное—честные люди,

Вот эти люди: депутаты—Ю. В. Пономарев (учитель), П. Н. Криворуков (секретарь центр. бюро совета профес. союзов, недавно оштрафованный в 500 лей за об'явление о концерте только на русском языке) М. Ф. Станевич (тов. председателя окружного суда), Мисирков (педагог), Осмоловский, Кудриновский, Савенко (присяжный поверенный, бывший министр юстиции молдавской республики), Старенький, Косович, врач Копытов и „нечаянно“ прихваченный Подлесный и др.

(„Южный Рабочий“, 15 ноября 1918 г.).

В этой же статье необходимость провозглашения независимости мотивируется стремлением, путем «решительной операции», спасти Бессарабию от «яда анархии и большевизма».

«Казалось,—пишет рептильная газета,—все говорило за то, что способ спасения выбран был вполне удачный». «Но было уже поздно. Яд анархии, оказалось, успел отравить все существо края. Под сенью Молдавской республики, как и доселе под сенью великой единой Российской «товарищеской», с позволения сказать, республики, клокотал тот же кромешный ад» и т. д. «Молдавская республиканская власть не обладала достаточной реальной силой, чтобы противопоставить ее силе анархии, а одного морального авторитета было недостаточно. С каждым днем становилось яснее, что самостоятельному существованию Молдавской республики подходит конец.

Тогда-де она и «воссоединилась» с Румынией, чтобы избавиться от большевизма.

Эта официозно-рептильная версия шита белыми нитками уже по одному тому, что «не только с каждым днем становилось яснее», но и до провозглашения «независимости» было совершенно ясно, что самостоятельность Бессарабии не имеет никаких корней, а провозглашение «независимости» состоялось при наличности в крае оккупационных румынских войск, в обстановке ужасного кровавого террора оккупантов.

Это провозглашение было необходимым актом румынской симфонии, разыгранной под аккомпанимент выкриков о «борьбе с анархией и большевизмом».

Даже день 24 января, повидимому, не случайно был выбран румынами для провозглашения «независимости» Молдавии. День этот совпал с другой исторической датой, и на этом совпадении румыны и румынофилы спекулировали затем в своей шовинистической и националистической агитации.

Во второй передовой статье уже цитированного № «Бессарабского Вестника» от 24 января 1919 г. (№ 13) по случаю «годовщины» пишут в статье, озаглавленной: «Спустя 60 лет», с подзаголовком: «24 января 1912 г.—24 января 1859 г.»:

«Исторический день! 60 лет тому назад, 24 января 1859 г., произошло об'единение двух разрозненных румынских княжеств—Молдавии и Валахии (Мунтении) и избрание общего воеводы Александра Кузу. Ровно 60 лет назад, впервые за целые века разлуки и страдания, два родные брата подали друг другу руки. Они об'единились против воли двух европейских великих сил того времени, России и Турции... Друзья и враги должны признать это об'единение. Великий борец за свободу и об'единение Румынии, Михаил Копыльничану, опираясь на штыки 100-тысячной румынской армии, наскоро мобилизован-

ной Кузой-Водой, сказал: «Скорее Прут потечет обратно, чем мы, поднявшиеся, откажемся от своих национальных идеалов» и т. д.

Дальше,—«естественно» сопоставление с «провозглашением независимости» 24 января 1918 г., и соответствующие узоры...

Так румынские агенты без стеснения раскрывают свои карты...

Несмотря, однако, на весь авторитет Михаила Когыльничану, совершенно ясно, что даже «акт» 24 января,—гораздо более безобидный, чем позднейшие фокусы Сфатул-Цэрия,—тем не менее,—достаточно грубая фальсификация. Румынские министры стараются придать этому акту международное значение. Но, становясь на точку зрения буржуазных дипломатов, которую они так часто выдвигают в спорах с Советами, нужно все же спросить: *какие державы признали этот акт провозглашения нового государства?* Какие державы завязали с ним сношения?—Таких не было. Значит, формально в глазах держав, если бы они хотели быть последовательны и «честны с собой», акт 24 января должен был бы почитаться несуществующим, а Бессарабию они должны были бы считать, попрежнему, составною частью Российского государства...

Что касается безусловно подложного, насильственно вырванного «акта» 27 марта 1918 г., то в его истории есть деталь, на которой стоит еще остановиться. «Акт» этот вырван, как видно из сообщенных выше фактов, под непосредственным давлением румынского премьера—германофила Маргиломана. Он действовал в прямом контакте с немецким генералом Макензеном, который, таким образом, выполнял бухарестский договор между Румынией и Германией, имевший в виду вознаграждение Румынии за потерю Добруджи.

И вот, на этот акт, сфабрикованный, между прочим, под диктовку Макензена, опирается Пуанкаре... Когда доходит до жирного куска, разбойники Антанты и немецкого милитаризма делают одно и то же дело!

Кстати,—«любезность» Макензена, довершившего в марте дело, начатое французским посланником Сент-Олером в декабре, не помешала румынским министрам в октябре 1918 г. всадить нож в спину разбитым остаткам армии Макензена.

26-е ноября 1918 года.

Теперь приведем исторический акт, содержание которого не требует особых пояснений: «Мы, нижеподписавшиеся депутаты Сфатул-Цэрий, в интересах разоблачения невиданного и

недопустимого политического шантажа, насилия и фальсификации, постановили составить акт о нижеследующем:

25 ноября 1918 года по инициативе «Молдавского блока» было назначено открытие сессии Сфатул-Цэрий, без заблаговременной публикации в газетах и рассылки повесток, о чем была поставлена в известность лишь группа депутатов «Молдавского блока». Истинность намерения «Молдавского блока» была замаскирована заметкой, помещенной в официозе Совета Директоров в газете «Сфатул-Цэрий», в румынском издании (№ 189 от 26 ноября, вышедшего к вечеру 25 ноября), где было указано, что Сфатул-Цэрий будет созван «завтра» или «послезавтра». Таким образом, все остальные парламентские группы совершенно не были оповещены об открытии. Из лидеров остальных фракций частным образом был оповещен лишь г. В. В. Цыганко и то лишь за 2 часа до открытия заседания, вследствие чего г. Цыганко лишен был возможности оповестить членов крестьянской фракции, а также примыкающих к ней.

Вследствие этого, открытие Сфатул-Цэрий состоялось лишь в присутствии «Молдавского блока» и отдельных депутатов других группировок, случайно явившихся в здание парламента.

Товарищу председателя Сфатул-Цэрий П. Н. Халиппе депутатом В. В. Цыганко от имени крестьянской фракции, фракции меньшинств и от части «Молдавского блока» было сделано заявление о недопустимости в отсутствии этих фракций открытия Сфатул-Цэрий; если же обстоятельства требуют открытия непременно 25 ноября, то, во всяком случае, в этот день не допускать на заседании выборов Президиума.

Открытие состоялось 25 ноября и, не взирая на заявление депутата В. В. Цыганко, выборы были произведены при отсутствии кворума (голосовало 48 депутатов, при кворуме одной трети состава Сфатул-Цэрий, т.-е. 54 депутата, так как всего депутатов 162).

26 ноября перед открытием заседания Сфатул-Цэрий, на повестке которого значилось обсуждение аграрного вопроса, группа депутатов, не участвовавшая в выборах президиума, и не доверяя ведение парламентских дел ему, обсудив вопрос о заседании 25 ноября, уполномочила г. Генала перед открытием заседания сделать от ее имени нижеследующее заявление: «Группа депутатов, не участвовавшая во вчерашнем заседании по вине Президиума, не разославшего официальных приглашений, констатирует, что выборы были произведены в отсутствие кворума и с нарушением схемы, и поэтому настоя-

щею Президиума не признает и требует его переизбрания. Впредь до выполнения сего группа депутатов не будет принимать участия в пленарных заседаниях».

На это заявление председательствующий дал следующее, по смыслу, раз'яснение: «При открытии Сфатул-Цэрий в зале находилось достаточное число депутатов для надлежащего кворума и при выборах Президиума было больше половины депутатов из явившихся на это заседание, а потому выборы Президиума считаются правильными и переизбрание Президиума не состоится». После этого группа, протестовавшая против избрания Президиума, демонстративно покинула зал заседания, под иронические аплодисменты и выкрики оставшихся депутатов молдавского блока и даже самого председательствующего. Часть депутатов немедленно же покинула здание Сфатул-Цэрий, остальная же часть собралась для обсуждения создавшегося инцидента и, не желая быть спровоцированной на отказ от участия в работах парламента по рассмотрению аграрного законопроекта, вынесла постановление уполномочить депутата В. В. Цыганко сделать в пленарном заседании от группы покинувших зал заседания депутатов следующее заявление: «Группа депутатов, покинувшая зал заседания, выразила этим исключительно свой протест против неправильного избрания Президиума, состоявшегося при отсутствии кворума, с явным нарушением схем и с применением недозволенного для парламента насилия, выражает свое недоверие Президиуму и заявляет, что только движимые сознанием необходимости выработки аграрного законопроекта, который приемлем в принципе для нее в той форме, которая выработана аграрной комиссией, готова в дальнейшем вести совместную работу по рассмотрению этого закона, твердо стоя на непризнании Президиума настоящего состава, не считая его ответственными руководителями и представителями Сфатул-Цэрий».

После об'явленного перерыва председательствующим П. Н. Халиппой было дано слово представителю депутатов, покинувших заседание, г. Цыганко, который и заявил, что вышеупомянутый протест передан в Президиум, и что он, В. В. Цыганко, от оглашения его воздерживается, так как полученные от г. Халиппы обещания он, В. В. Цыганко, лично считал бы удовлетворительными, но что этот протест, по требованию сейчас отсутствующих депутатов, может быть оглашен в следующем заседании. Оставшаяся небольшая группа депутатов, вернувшаяся вместе с В. В. Цыганко, приступила к совместной работе по обсуждению аграрного законопроекта.

Заседание, начавшееся около 8 часов, к часу ночи утомило значительную часть депутатов, вследствие чего число де-

путатов более и более уменьшалось. В 2 с половиною часа ночи, по окончании чтения законопроекта, без всякого предупреждения, председательствующим Халиппой была прочтена резолюция о желании присоединения Бессарабии к Румынии без всяких условий и уничтожения автономии Бессарабии. В зале заседания находилось всего по подсчету 46 депутатов. Часть депутатов начала аплодировать, заглушая вопрос председательствующего—«кто против», «кто воздержался». «Принято единогласно».—заявил председательствующий г. Халиппа. Представители части депутатов крестьянской фракции, протестуя, просят слова для заявления. Председательствующий г. Халиппа слова не дает, и акт величайшей государственной важности считается решением при полном отсутствии кворума (46 депутатов, из которых часть во главе с депутатом Бучушканом выражала свой протест). Вызванный затем по телефону генеральный комиссар генерал Войтояну, по прибытии своем, немедленно прочел королевский декрет о закрытии сессии Сфатул-Цэрий. Произошло это уже в 5½ часов утра.

Подтверждая своими подписями правдивость изложенных обстоятельств, нижеподписавшиеся депутаты Сфатул-Цэрий, получившие полномочия от различных парламентских групп на составление настоящего акта, считают все постановления Сфатул-Цэрий сессии 25—26 ноября 1918 г., в виду допущенных явных правонарушений, граничивших с обманом,—недействительными, незаконными, и со всей энергией протестуют против отказа от автономии, как против акта насилия над волей народов, населяющих Бессарабию.

В подлиннике исправлено «который», перечеркнуто «которые» и надписано «которая», добавлено «во главе с депутатом Бучушканом». Зачеркнуто «разъяснения», надписано «обещания», дополнено «по прибытии своем».

Далее следуют подписи многочисленных депутатов, во главе с председателем крестьянской фракции В. Цыганко, вице-председателем ее Бучушканом, деп. Паскалуцой, старейшим депутатом Сфатул-Цэрий, открывшим первое его заседание и председателем «Народной Лиги» Александри, депутатом от бендерских молдаван А. Разу, председателем национально-демократической партии В. Чижевским, представителем южных кооперативов Бессарабии М. Руссевым, тов. председателя губ. земского собрания и председателем оргеевской уездной земской управы Бажбеук-Меликовым, и т. д.

Фотография с этого исторического протеста воспроизведена в №№ «Правды» и «Известий ЦИК СССР» от 4 апреля 1924 года.

* * *

Что же остается от доказательств румынских министров из области «свободного волеизъявления», «самоопределения» «воссоединившейся» Бессарабии?

Ничего! Пустое место! Напротив, из всех щелей зато выглядывают: провокация, шулерская подтасовка, подкуп, насилие, террор, бесчеловечная расправа и безудержное мошенничество. Перечисленные приемы и составляют единственную категорию «наглядных доказательств» румынских бояр и «крестьянского короля».

Румынский штык в Бессарабии.

Принято считать, что захват Бессарабии Румынией произошел 12 января 1918 года (а по новому стилю—25 января) *). Это верно только в том смысле, что в январе румыны закончили операцию захвата. Начата же была эта предательская операция еще в декабре 1917 г., и роль негодяев из «Совета директоров» Сфатул-Цэрия сводилась не только к тому, чтобы подготовить будущее «присоединение» и «воссоединение», но в особенности к маскировке и заметанию следов уже происходившего исподволь военно-разбойного вторжения. С этим заданием румынские агенты в Сфатул-Цэрий справились настолько хорошо, что дали румынским генералам возможность собраться с силами и нанести в январе последний удар. Даже при развале фронта и стихийном отходе демобилизующихся русских войск на родину, румынские генералы не в состоянии были бы одним взмахом захватить Бессарабию,—этого не позволили бы ни их силы, ни их прославленная доблесть.

Уже 12 декабря (25 декабря по новому стилю) на заседании происходившего в Одессе фронтового с'езда Румынского фронта раздаются голоса о том, что румыны захватывают русские города. Изменник Щербачев, покрывший себя позором, каким вряд ли покрыт еще кто-либо другой из царских генералов,—командующий фронтом, передавшийся на службу румынскому королю и потом об'явленный вне закона Советом Народных Комиссаров,— всячески помогает захватным планам румын. У них—и еще один союзник, о которым мы уже говорили: украинские гайдамаки и контр-революционеры во главе с Петлюрой.

На фронтовом с'езде оглашена лента прямого провода пе-

---

*) Следует иметь в виду, что все исторические даты в нашей книге указаны, как и в подлинных документах и материалах — т.-е. в подавляющем большинстве случаев по старому стилю.

переговоров представителей с'езда со ставкой Щербачева. По поручению Щербачева, между прочим, сообщено, что продовольственный склад в Леове, на русском берегу Прута, подвергся нападению вооруженной шайки, у которой были даже пулеметы. «В виду отсутствия в ближайшем районе надежных русских войск для прекращения разгрома, предложено было румынскому командованию принять меры по охране» складов. Кем предложено? Генералом Щербачевым, состоящим на службе румынского короля, русским изменником. Это, значит, что «предложено» самими румынами. Разумеется, для «охраны» складов румыны заняли и город Леово. А, по заявлению делегатов фронтового с'езда, та попытка ограбления, которая послужила поводом для занятия Леово, была совершена не «бандой», а румынскими же войсками.

В декабрьских газетах появляется и заметка такого рода: «В Кагульском уезде, в Придунайской полосе окружены румынами села Парганешты, Сарата и Войнеско. Румынские солдаты расстреливают жителей».

Румыны защищают русских помещиков.

Но вот обнаруживается еще один союзник румын в осуществлении оккупации.

Председатель союза земельных собственников Бессарабии П. В. Синадино, известный в свое время член государственной думы, крайний правый, сподвижник Пуришкевича, впоследствии, в марте 1919 г. подал румынскому премьер-министру Маргиломану докладную записку о положении в Бессарабии. В этой записке он, между прочим, отмечает, что «еще в последних числах декабря румынские войска кое-где в Припрутском районе восстанавливали порядок, и некоторые из крестьян из опасения репрессии стали возвращать награбленное» при аграрных «беспорядках» и овладении помещичьими землями. Отсюда—пламенные симпатии крупных бессарабских помещиков к оккупации в первое время. Об этом Синадино пишет дальше в своей записке Маргиломану:

«Первое время установилось спокойствие, разгромленные землевладельцы возвратились в свои разоренные имения и путем угрозы обращения к румынским войскам стали возвращать награбленное имущество, и была надежда, что, крепко связанные со своей землей, они сумеют взяться за полевые весенние работы, чувствуя себя вне опасности под защитой румынских штыков».

Правда, потом даже и помещики разочаровались в оккупации, потому что румынские министры стали вести аграр-

ную политику с таким расчетом, чтобы поубавить земель у бессарабских помещиков и за этот счет прибавить «площади» помещикам старой Румынии, которым бессарабские пашни и пастбища очень пришлись по вкусу. Один из документов, говорящих о таком разочаровании,—записка Синадино. Вся суть ее в конкуренции помещиков бессарабских с старо-румынскими. Однако, об этом нам придется рассказать еще потом. А пока—запомним: сподвижниками румын при оккупации были крупные помещики Бессарабии, и появление их в Бессарабии приветствовали бывшие вожди правых партий царской государственной думы. Недурная компания для петлюровских гайдамаков!

Гайдамаки Петл ы „самоопределяют" Бессарабию.

А петлюровские гайдамаки вели себя совсем беззастенчиво. Когда на соединенном заседании президиумов Бессарабского губернского и Кишиневского исполнительных комитетов рабочих и солдатских депутатов, крестьянского комитета и комитета Румфронта (6 января) представители Сфатул-Цэрий были приперты к стене и вынуждены отвечать на вопросы о вводе румынских войск в Кагул (на Пруте), в чем революционные партии обвиняли Сфатул-Цэрий,—Инкулец и Ерхан отвечают, что им удалось установить, что румыны введены по просьбе кагульцев, и эта делегация, просившая о вводе, действовала от имени украинской рады и куреня. Участники заседания заявляют, что в другой город, Болград, тоже на Пруте, румыны были введены с согласия Сфатул-Цэрий.

В последних числах декабря делегация с'езда Румфронта вела в Яссах переговоры с Щербачевым и румынским командующим генералом Презаном. Румынский генерал, при поддакивании Щербачева, заявил, что «самочинная демобилизация русской армии ставит румынскую армию, лишенную возможности самостоятельно защищать свой фронт, перед необходимостью отойти в Бессарабию и там разоружиться, оставаясь попрежнему верной своим союзникам. В то же время ген. Презан ответил категорическим отказом на предложение пропустить русские войска, предполагавшие отойти на русскую территорию с оружием».

Румыны, действительно, «отошли» на территорию Бессарабии. Как они там «разоружились», мы уже знаем.

Военный обозреватель газеты «Одесские Новости» в номере от 9 января 1922 года писал между прочим: «Румыны вдоль берега Прута стремятся закрепить за собою, с одной стороны, Унгенский район, а с другой—Кагульский, где ими начата

была оккупация еще дней десять тому назад». Иначе говоря, оккупация была начата именно тогда, когда генерал Презан собирался «разоружиться».

Как относилось к этому население,—видно хотя бы из поведения все тех же героев из Сфатул-Цэрия.

Лгут до последней минуты.

6 января имела место попытка предательски захватить сердце Бессарабии, Кишинев, руками отряда румын-трансильванцев, вызванных из Киева и следовавших эшелоном по железной дороге. Она, однако, не удалась. Румыны были отбиты и взяты в плен революционными войсками, при самом активном и добровольном участии молдавских полков, формировавшихся... самим Сфатул-Цэрий. Из Бендер другой молдавский полк телеграфировал, что собирается тоже итти драться против румын. В такой обстановке Никульцу остается только продолжать заметать свои следы. В ответ на обвинения в предательстве и в призыве румынских войск, сподвижник Никульца Ерхан заявляет, что Сфатул-Цэрий в целом распоряжений не отдает, и нужно расследовать, не виновен ли кто-нибудь персонально в отдельных распоряжениях. Затем Ерхан добавляет, что «директора» Ионко и Кристи отстранены. Потом оказывается, что подали в отставку директора Кодряи, Пеливан и Сакара, ибо по городу ходят слухи, что они замышляют ввод румынских войск, и потому-де их решено из директората устранить. Через два дня, еще более путая следы, Никулец заявляет в письме в редакцию газеты, что эти директора ушли не в связи с разговорами о румынах, а в связи с общим директорским кризисом. Никульцу необходимо было всячески изворачиваться, ибо—неровен час—даже близость румынских войск не спасет, и «благодарный народ» успеет уничтожить своих «представителей»-изменников.

Еще 6 января французский консул в Кишиневе Роже Сарре посылает телеграмму французскому посланнику в Яссах Сент-Олеру о том, что делегация, состоящая из председателя Сфатул-Цэрий Никульца, председателя совета директоров Ерхана, председателя крестьянского комитета Катароса (не смешивать с Катареу: Катарос был немного времени спустя расстреляи «братьями-румынами»), председателя совета рабочих и солдатских депутатов Мелешина просит его «поставить вас в известность, чтобы никакие войска не были посылаемы в Бессарабию. Приближение трансильванцев из Киева вызвало битву. В случае прибытия румын вспыхнет гражданская вой-

на». Никулец, Ерхан и компания, давно купленные румынами, принуждены официально просить румын не итти в Бессарабию! Таков был их страх перед массами, истинную волю которых предатели хорошо знали.

А в это самое время фронт-отдел Румчерода получает сведения, что в Прирутском районе, кроме Кагула и Леово, заняты села Ваду-Луй-Исак и Манта, а с другой стороны—станция Унгени. В Унгенах предварительно напавшая на станцию сотня гайдамаков обезоружила гарнизон и убила нескольких членов исполкома унгенского Совета солдатских и рабочих депутатов. После этого возле Унген румынами была выставлена крупная застава. Румыны, после выявления петлюровско-щербачевскими гайдамаками национальных чувств молдавского населения, попытались продвинуться к Кишиневу. Они встретили чрезвычайно упорное сопротивление со стороны революционных войск, и—это нужно еще раз подчеркнуть — молдавских крестьян. Крестьяне, захватив оружие у первых. взятых при участии в плен, румынских отрядов, помогали, затем, отражать следующие отряды. Румыны бежали, оставив пленных, поездные составы и проч.

Но проходит еще три дня. Под Кишиневом появляются большие силы румынской армии. Сопротивляться им под Кишиневом уже невозможно. Революционные войска отходят к Днестру, окруженные со всех сторон при помощи провокации, но сопротивляясь. Отбиваясь, им приходится отойти затем за Днестр.

12 января 1918 года Кишинев занят румынами. И с этого дня начинается, уже в отсутствии вооруженного противника, кровавая борьба румынских насильников за власть в чуждом им и упорно неподчиняющемся им крае.

Террор оккупантов.

Расстрелы.—„Высылка за Днестр"—Бендерский мост.

Первые же месяцы румынского военного вторжения в Бессарабию ознаменовались невероятным, кошмарным кровавым террором со стороны оккупантов. Бесчисленное множество арестов, убийств, расстрелов в городах; бесконечная серия «высылок» более или менее видных деятелей «за Днестр», «на Украину», а на самом деле предательские убийства на Бендерском мосту и в Бендерской крепости. Кошмарные расправы во всех дервиях с «воссоединенными» «детьми Румынии», молдавскими крестьянами, которых заставляли возвращать помещикам землю, инвентарь и пр., избивали, пытали, пороли шом-

нолами, расстреливали... Отдельные факты, приводимые в отдельных документах и сообщениях, не исчерпывают всех злодеяний румынских оккупантов в Бессарабии, не дают сколько-нибудь полной картины того кошмара и ужаса, на который вооруженные румынские бояре обрекли несчастную Бессарабию. Они не могут дать даже приблизительной картины. Это только отдельные штрихи, намеки, едва приподнимающие уголок кровавой завесы...

Молдавский полк, организованный «Сфатул-Цэрий», при первых попытках призванных тем же предательским «Сфатул-Цэрий» румын занять Кишинев, оказал им, без приказа «Сфатул-Цэрий», по собственной инициативе, сопротивление, вызванное искренними настроениями солдат полка. Но затем ловким интриганам и предателям, продававшим Бессарабию румынским помещикам, удалось опутать молдавский полк своими сетями, и в решительный момент полк изменил делу революции, поддержал предателей из «Сфатул-Цэрия», помог румынам оккупировать Бессарабию. Это не спасло полк от репрессий. Оккупанты немедленно приступили к «румынизации» полка. И в первые же дни, заметив брожение и недовольство среди солдат, не мирившихся с вновь назначенным румынским начальством, с румынскими порядками и т. д., расстреляли 15 солдат полка из числа, главным образом, матросов, в свое время в него вступивших. Расстреляны они были во дворе кишиневской семинарии.

Ряд видных деятелей оппозиции, высказывавшихся против оккупации, пытавшихся еще до вторжения румын разоблачить и остановить гнусную работу предателей, подготовлявших вторжение, ряд членов «Сфатул-Цэрия» и др. политических деятелей были в первые же дни арестованы (некоторые успели бежать из Бессарабии). Румыны расправились с ними жестоко.

Депутатка Сфатул-Цэрия. Надежда Евгеньевна Гринфельд, соц.-дем., была по распоряжению румынских властей и заправил Сфатул-Цэрия «выслана» из Бессарабии на Украину. Отцу ее, видному кишиневскому адвокату и товарищу директора внутренних дел «Молдавской республики» Е. С. Кенигпацу удалось, благодаря большим связям, добиться разрешения сопровождать дочь до границы. Тов. Н. Е. Гринфельд румынские жандармы повезли в автомобиле вместе с другим товарищем, тоже соц.-дем., журналистом М. Врановым. За автомобилем румынских жандармов следовал автомобиль с отцом и братом т. Гринфельд. Когда доехали до Бендер, провожающим запрещено было следовать дальше. Им было обещано, что высылаемых под конвоем перевезут через Бендерский мост по ту сторону Днестра, и там отпустят, а для того, чтобы провожаю-

щие не беспокоились, им привезут записку от т. Гринфельд уже с украинского берега Днестра. Отец и брат тов. Гринфельд прождали несколько часов, и, действительно, им привезли обещанную записку. Они возвратились в Кишинев. Тов. Гринфельд имела в виду следовать в Одессу, где находились ее друзья, осведомленные о предстоящем приезде. Но она не приехала, бесследно исчезла. Поиски не дали никаких результатов. По сведениям, полученным позже, т.т. Н. Е. Гринфельд и М. Вранов были расстреляны румынскими жандармами 28 января 1918 года. По одной версии, отобрав записку о благополучном переходе через мост, румыны заставили их вернуться, расстреляли и трупы бросили в Днестр. По другой, более вероятной, взяв записку, они отвезли их обратно в Бендерскую крепость, и там расстреляли.

Несколько позже был таким же путем «выслан» из Кишинева соц.-рев. Н. Г. Кавсан и группа других лиц. Отправленные «за Днестр», они так же бесследно исчезли.

Некоторые подробности, касающиеся убийства всех этих деятелей, указаны в докладной записке, представленной правящим кругам Антанты делегацией «Комитета Освобождения Бессарабии», ездившей в Париж в 1919 г. Там же упомянуто и о расстреле румынами нескольких других депутатов Сфатул-Цэрия, пришедшихся «не ко двору». Имена этих депутатов: Катарос, Чумаченко, Рудьев, Панцырь. Помимо этих, ставших известными, имен было достаточно и других безвестных жертв.

Что касается упомянутых только что депутатов Сфатул-Цэрия, то весьма характерно, что большинство их—молдаване, вначале искренно поддерживавшие и даже активно содействовавшие главарям Сфатул-Цэрия, прикрывавшимся фразами о «самоопределении народов» и таким путем вводившим в заблуждение простодушных людей. Но, очевидно, эти люди оказались слишком честными для того, чтобы поддерживать предателей до конца, и, когда вторглись в Бессарабию румынские войска, когда опутанные и сбитые с толку люди воочию увидели плоды той черной работы, которой они, сами, обманутые, помогали,—они не удержались от протеста и поспешили устранить. Все они бесследно исчезли. Есть любопытный документ, относящийся к этому делу: заявление, поданное 12 марта 1918 г. в крестьянскую фракцию Сфатул-Цэрия, к которой принадлежали исчезнувшие депутаты, женами Рудьева, Катароса, Панцыря и Чумаченко. В заявлении указывается, что эти депутаты были в промежутке между 18 и 24 января арестованы румынами и бесследно исчезли. Власти лицемерно скрывали, какая их постигла судьба, и делали вид, что разыскивают исчезнувших депутатов. (Такое же лицемерие было про-

явлено и в отношении упомянутой выше тов. Н. Е. Гринфельд). Крестьянская фракция, тоже достаточно уже запутавшаяся в сетях предателей, постановила создать «парламентскую комиссию» в составе Бучушкана, Доико-Нордокеско и... Халиппа, того самого Халиппа, который был, на самом деле, одним из активнейших предателей и вдохновителей террора, впоследствии оказался «министром от Бессарабии» и т. д. Конечно, «парламентская комиссия» оказалась лишь одною из страничек того жалкого фарса, каким был Сфатул-Цэрий в целом, и ничего не сделала для выяснения дела. Несколько месяцев спустя женам исчезнувших депутатов было, наконец, уже без стеснений заявлено, что они расстреляны.

А еще позже, в заседании всерумынского парламента, в конце 1919 г., один из депутатов и «министров от Бессарабии»,—тот же самый Халиппа,—в опровержение всех прежних лицемерных заявлений о непричастности властей к злодеяниям, о «расследовании» и т. д.,—нагло и цинично заявил,—после ухода из парламента представителей румынских социалистов:

— «*Бандитов и румынофобов мы топили и топим в Днестре и еще охотнее топили бы в Днепре*».

«Бандиты и румынофобы»,—это на языке бессарабского «министра»—депутаты и политические деятели, упомянутые выше, это многие десятки и сотни людей, имена которых неизвестны. Это—десятки русских железнодорожных рабочих из Бендер и других мест, которых румынские жандармы безжалостно топили в Днестре, это десятки замученных, заколотых, застреленных и, наконец, в тот же седой Днестр брошенных женщин и детей, рабочих и крестьян, русских, евреев и, наконец, молдаван...

В течение всего 1918 г. Днестр был полон трупами жертв румынской расправы, жертв «высылок» за Днестр, жертв «Бендерского моста», ставшего одним из кошмарнейших символов румынской оккупации. Через каждые несколько дней отдельные трупы и [illegible]ные группы трупов, мужчин и женщин, со связанными руками и ногами, с привязанными камнями, выбрасывались [illegible]ами Днестра на украинский берег. Сюда совершалось [illegible] в роде паломничества: друзья и родные исчезнувших, прибывшие из Одессы, Тирасполя и других мест, бродили по берегу, стараясь опознать в изуродованных трупах близких людей. Но большая часть выброшенных трупов так и осталась неопознанной. Количество трупов, конечно, установить точно нельзя. Их было много. А сколько трупов было выброшено волнами Днестра на бессарабский берег,—об этом знают, конечно, одни только румынские жандармы и убийцы.

Все, что рассказано здесь,—повторяем,—не дает исчерпывающей картины, а только приподымает уголок завесы над тем кошмаром, который румыны,—с благословения Антанты,—изображают как «добровольное воссоединение дочери-Бессарабии с матерью-Румынией» на началах «самоопределения народностей»...

В Молдавской республике.

Когда в конце декабря в заседании Сфатул-Цэрий зашла речь о предполагаемой оккупации Бессарабии румынами, министры Молдавской республики честным словом «социалистов» заверяли парламент, что румыны, если они придут, то только для «порядка» и совершенно не будут вмешиваться в дела свободной страны. Тогда же заверяли в том, что великие завоевания российской революции останутся нетронутыми и что населению не приходится видеть в «зарубежных братьях» врагов: друзьями они были для нас при самодержавии, друзьями же останутся они при республике.

Легковерные люди поверили, но очень скоро даже самый закорузлый обыватель стал горько раскаиваться в своей наивности.

В Кишиневе—покой, порядок кладбища. Чистенькие румынские офицеры и солдаты, оркестры музыки в городском саду; бойко торгуют магазины, и на улицах оживление. Но сметено все, что было завоевано в дни революции. Распущены все политические и рабочие организации, подняли голову хозяева и низвели заработную плату рабочих до крайнего минимума. Влачит жалкое существование городская дума, обезглавленная, лишенная лучших элементов. Сфатул-Цэрий продолжает заседать, равняясь все время по линии румынской штыкократии, а общественное мнение прекрасно «обрабатывает» официальный орган «Сфатул-Цэрий» (ежедневная газета), пользуясь источниками весьма сомнительного свойства. Русские газеты, в частности, одесские, под запретом, как в былое время нелегальная социалистическая пресса...

Правда, министры молдавской республики продолжали утверждать, что все это происходит в интересах спасения «нашей дорогой Бессарабии» от большевиков, что все это временная уступка во имя высших государственных интересов.

Однако, эти «высшие государственные интересы» с большой натугой усваивал даже покладистый услужающий Сфатул-Цэрий. Об этом весьма ярко свидетельствует, например, за-

седание его 7 марта. Этот «парламент» предоставил своему «правительству» право заключать конвенции с правительствами других государств. В числе прочих, правительство возымерилось заключить с Румынией конвенцию на эксплоатацию железных дорог в Бессарабии. Однако, железнодорожная комиссия Сфатул-Цэрий с участием представителей фракции Сфатул-Цэрий высказалась против такой конвенции. Тогда «правительство» потребовало у «парламента», чтобы он разрешил правительству самостоятельно без парламента заключить конвенцию. Дороги,—заявило правительство, совсем разрушены, и единственный исход—дать Румынии концессию на эксплоатацию дорог. Упорство даже покладистого «парламента» заставило заговорить открыто и назвать вещи своими именами: не конвенция, а концессия, т.-е. полный захват дорог Румынией. «Парламент» все-таки упорствовал. Чтобы добиться своего, «правительству» пришлось прервать заседание, об'явив «частное междуфракционное совещание». После этого, в час ночи, Инкулец добился от Сфатул-Цэрия права самому заключить договор о концессии,—он получил 70 голосов против 46. Таким нажимом приходилось вырывать румынам железные дороги даже у Сфатул-Цэрия.

На том же заседании Сфатул-Цэрия Инкулец, укоряя оппозицию, заявил: Был момент, когда «союзные нам державы» (какие—неизвестно) согласны были заключить для Молдавской республики заем на выгодных условиях, но дело, мол, сорвала оппозиция, которая ставила «палки в колеса». Теперь же положение таково, что заключение займа «при содействии наших союзников» маловероятно, *ибо они ставят условием, чтобы заем был гарантирован Россией.*

Таким образом, еще тогда иные «союзники» готовы были оказать Бессарабии экономическое доверие *только* при гарантии со стороны России. Штрих очень характерный.

А в глубине Бессарабии шла расправа с крестьянами, принимавшими участие в аграрных беспорядках. Расстрелы и розга стали в деревнях обычным делом румынских усмирителей, действующих в редком контакте с бессарабскими зубрами... В Корнештах высекли публично несколько женщин-торговок, не пожелавших принять у румына леи по 50 коп., так как официальный курс их только 45 коп. То же—всюду.

В Каушанах, Маркулештах и Бендерах было много случаев, когда секли только за то, что обыватели не снимали шапок при встрече с румынскими офицерами и сержантами. В Маркулештах же секли за несоблюдение очереди у хлебных лавок. Всюду воцарились насилия и порка, взятки и грабеж.

Оккупационный „быт".

Чтобы дать исчерпывающее описание терзаний Бессарабии под игом «культурных» румын—нужно много об'емистых томов. Но, чтобы дать представление о муках и ужасах бессарабской трагедии—достаточно нескольких фактов. И те факты, которые рассказаны ниже, совсем не самые кошмарные и не самые кровавые.

Вот характерная картина фальсификации общественного мнения в Бессарабии:

В Сороках, по инициативе румынских властей, было созвано собрание гласных уездного земства, гласных городской думы и служащих государственных и общественных учреждений. На собрание прибыл из Кишинева румынский генерал, произнесший речь, в которой указал на блага, ждущие население Бессарабии, в случае присоединения ее к Румынии. Крестьянам он обещал землю, прочим классам общества—счастливую, беззаботную жизнь... Это было в марте 1918 г.

Речь была встречена гробовым молчанием. Не нашлось ни одного смельчака, который рискнул бы выступить не только с возражением, но даже с каким-нибудь простым замечанием. Участники собрания были запуганы: в соседней комнате, неосвещенной, находились во время заседания какие-то подозрительные люди, приготовленные для немедленного пресечения, по румынскому рецепту, возможной дерзости. Психологическое воздействие оказал также произведенный за 2 дня до собрания арест члена земской управы Свеклы, заподозренного в руссофильстве.

Один отважный человек все же нашелся. Гласный городской думы Шор, при гробовом молчании собрания, удивившегося его смелости, рискнул спросить почтенного генерала, каков будет режим в отношении евреев. Генерал даже обрадовался вопросу, потому что выразительная тишина, царившая в собрании, начала, повидимому, и его угнетать.

Нечего и говорить, что в описанной обстановке вопрос о присоединении Бессарабии к Румынии был «единогласно» решен в положительном смысле.

Закончилось собрание манифестацией его участников, продефилировавших по городу при звуках румынского гимна... Населению в эту торжественную ночь разрешено было гулять до утра (обычно на улицах можно было появляться лишь до 9 час. вечера), но оно предпочло «радоваться» дома... Утром по всем улицам появились плакаты на румынском языке—«Да здравствует Румыния! Да здравствует король Фердинанд!».

Дня через три те сорокские общественные деятели. румынская ориентация которых не оставляет сомнений. были вызваны в Кишинев на какой-то чрезвычайный с'езд. В ряду таких деятелей—сорокский городской голова Солтуз и председатель думы Сафонов. Оба—крупные землевладельцы. Солтуз—сподвижник Синадино и Пуришкевича, «верноподданный» царю, член Государственной Думы.

По той же остроумной системе было опрошено население и других уездных городов Бессарабии, а в Кишиневе разыгран очередной акт этой комедии,—декларация 27 марта 1918 г.

Для обрисовки оккупационного «быта» любопытны приказы румынских самодуров.

Вот некоторые из них:

Из приказа начальника румынской военной полиции гор. Аккермана полк. Бутьяну, от 18 марта 1918 г.

«Воспрещается всякая политическая агитация против Молдаванской народной республики и против румынских войск.

4) Все уроженцы Бессарабии и других городов и уездов, проживающие в г. Аккермане и его уездах, не имеющие службы или каких-либо других занятий в городе и в уезде, обязаны в 48-часовой срок выехать на родину... Все, не исполнившие настоящее постановление, будут арестовываться и высылаться румынскими властями.

10) Во всякое время дня и ночи румынским комендантом, совместно с начальником городской милиции, будут производиться обыски, для розыска подозрительных лиц, не имеющих документов. Лица эти будут задерживаться и арестовываться. Арестованные агитаторы будут предаваться военному суду.

11) Все жители могут ходить и ездить по городу до 10 час вечера.

12) О собраниях частных, общественных, административных и правительственных учреждений и организаций обязательно извещать румынского коменданта, указывая место, день и час. Заявления о собраниях должны подаваться не позднее, чем за сутки. Собрания, имеющие большевистский характер, будут разгоняться, и все виновные будут арестовываться.

13) Все жители, терпящие беспокойство от подозрительных и неблагонадежных лиц, обязаны сообщить о них румынскому коменданту.

16) Кто будет плохо отзываться о румынских войсках, будут арестовываться и подвергаться тюремному заключению от 6 дней до 6 месяцев и штрафу от 100 до 3.000 рублей.

„Приказ".

Румынские офицеры должны быть приветствуемы населением местечка Единец следующим образом:

Каждый приветствующий должен остановиться на месте, лицом к начальнику, и быстро, геройски, с улыбкой на лице. снять шапку до самой земли.

Для обучения населения этому и точного приведения в исполнение приказа в часы дня моя фуражка коменданта будет прогуливаема на палке по улице, и все обязаны будут ее приветствовать.

Комендант гарнизона м. Единец капитан *Димитриу.*

Начальник полиции поручик *Елифтереско.*

С подлинным верно. За председателя Единецкой Волостной Земской Управы *Г. Вульпя.*

За секретаря (подпись).

Печать «Единецкое Волостное Земство».

Этот приказ относится к 1918 году.

А вот другой приказ, изданный летом 1919 г.:

Приказ коменданта гор. Бельц.

«Приказываю жителям как мужского, так и женского пола при встрече со мною и моими офицерами сходить с тротуара и, отступая на 3 шага на мостовую, с веселым и геройским видом приветствовать нас—приложением руки к головному убору. За неисполнение этого приказа виновные будут наказаны розгами трижды, до потери сознания».

Свидетельство Александри.

Итак, румынские палачи приказали своим жертвам:

— Ходить веселей. С геройским видом.

И вот какой вид это имеет на самом деле.

Мы в одном месте этой книги уже цитировали речь старейшего депутата Сфатул-Цэрий, одного из немногих в Бессарабии бескорыстных румынофилов и честных депутатов, председателя «Народной Лиги» («Лига Понорулуй») Александри, произнесенную им 12 октября 1918 года в Кишиневе на собрании этой Лиги. Вот еще выдержки из этой речи,—речи румынофила, впоследствии подписавшего протест депутатов оппозиции, об'являющих поддельным, ничтожным, не имеющим значения клочком бумаги постановление Сфатул-Цэрий о безусловном присоединении к «матери-Румынии» (акт 26 ноября 1918 г.).

«Наши крестьянские массы, насчитывающие около двух миллионов человек, все поголовно, до того возмущены политикой наших румынизаторов-политиканов, а с другой стороны, распущенностью войск и жандармов, что самым настоящим, самым искренним образом мечтают об отделении от Румынии. Они готовы присоединиться к кому бы то ни было, только бы отделиться от Румынии.

«Я не стану приводить здесь фактов, это заняло бы слишком много места. Достаточно напомнить, что если от одного русского урядника стонала волость, то что сказать о пятишести жандармах-румынах, которые расквартированы в каждом селе и которые не садятся иначе за стол, как только так, чтобы на стол подавались только куры, цыплята, утки и другая живность, т.-е. позволяют себе такую роскошь, какой не может себе позволить не только учитель гимназии и член суда, но даже представитель директориата, причастный к каким-нибудь крупным финансовым сферам.

«Если к этому прибавить 50.000 войска, которые живут вне закона и грабят все, что только попадается под руку, ведя правильную атаку с ружейными выстрелами на сады, огороды и мирных жителей, то будет понятна фраза, которая циркулирует в нашем обществе, что румыны это даже не нация, а профессия—смычка и отмычки. Или другое: что румыны за полгода «руссифицировали» край в неизмеримо большей степени, чем русские за 108 лет.

«Я, стоя одной ногой уже в гробу, взял на себя смелость сказать правду, горькую правду, не прикрывая ее ничем».— говорит Александри.

И следующими словами заканчивает свою знаменательную речь:

...«Перейду к вопросу об автономии. Нам, только что вырвавшимся с ободранным чубом из русских цепких лап, нам, умудренным горьким опытом царского режима: «тащить и не пущать», совсем непонятна психология людей, которые хотят отдать уцелевший чуб в другие, быть может, еще более цепкие и азиатские руки. По моему глубокому убеждению, психология таких людей—это психология рабов, утративших способность жить свободной жизнью. Опять мы сталкиваемся с Азией и уходим из Европы, и наша роль снова сводится к протесту и к роли оппозиции в деле нашего внутреннего строительства. Если мы не отстоим своего права быть хозяевами в своем доме, если порядки Румынии, которые спешно заводятся в нашем краю, уцелеют, мы сделаем скачок назад на 100 лет. Мы погибли. Нам нечего делать! Тогда останется нам ждать, чтобы нашу судьбу разрешили другие...»

Пять с половиною лет назад сказаны эти мужественные слова, сказаны не врагом, а пламенным другом Румынии. Потеряли ли они хоть малейшую долю своего значения за эти годы? Нисколько. Все, что сказал тогда Александри, полностью и, быть может, в еще большой степени применимо к Бессарабии сегодняшнего дня.

Таково это «братское единение».

Может ли быть более ярко обрисована пропасть между истинной волей даже молдавского населения Бессарабии и той ложью, которой переполнены «акты», составляющие «правовую» основу румынского владычества? Ведь речь Александри произносилась именно тогда, когда, если бы верить «акту» генерала Войтояну, написанному от имени Сфатул-Цэрий, сердца всех бессарабцев пламенели жаждой «воссоединения» с Румынией-матерью.

Даже духовенство.

Даже церковь в Бессарабии не избегла общей участи, постигшей все, попавшее под румынскую пяту. Религиозные чувства населения подверглись оскорблению и глумлению, рядовое духовенство—насилию моральному и политическому и даже физическому (письмо архиепископа Анастасия о порке в Каларашевском монастыре).

Целью этой насильственной политики была «румынизация» церкви, как и всех других сторон жизни. Румынизация вызвала отпор не только со стороны высшей духовной иерархии (послания патриарха Тихона румынскому синоду и вселенскому патриарху Герману), не только противодействие со стороны возглавлявшего кишиневскую епархию архиепископа Анастасия, но и длительное, часто молчаливое, но упорное противодействие рядового, городского и особенно сельского духовенства, более или менее близко стоящего к населению и отражающего его настроения, симпатии и культурные склонности.

Это молчаливое сопротивление румынской власти долго не удавалось преодолеть. Несмотря на самые решительные меры, предпринятые с целью румынизации церкви и духовенства, несмотря на то, что еще до присоединения к Румынии именно среди части духовенства были распространяемы румынофильские идеи, а главные деятели бессарабского предательства вышли из близкой к духовенству среды (Инкулец, Чугурян, Халиппа и т. д.—воспитанники кишиневской духовной семинарии), несмотря на все это, духовенство и церковь были одними из тех институтов, которые больше всего хлопот причинили

румынским властям. А ведь с самого начала они были предметом особого попечения этих властей.

Оккупируя Бессарабию, румыны, несомненно, строили значительные расчеты именно на духовенстве, полагая использовать организованный и дисциплинированный аппарат церкви для воздействия на непокорных селян, чтобы быстрее и легче прибрать к рукам бессарабскую деревню. Но румынам пришлось серьезно разочароваться в этих планах.

Как результат молчаливой обструкции духовенства в массе, любопытно отметить уклонение бессарабского духовенства от участия в устроенном румынами в марте 1919 г. Всерумынском с'езде духовенства.

Оппозиция духовенства была должным образом учтена румынами, и в конце концов они, помимо мер политического и личного воздействия, прибегли к мерам воздействия экономического, значительно ограничив, при проведении аграрной реформы, право духовенства на пользование землей. Но и этим румыны не добились желательных результатов. И даже ставшее на «румынскую национальную платформу» духовенство еще и в 1920 г. причиняет властям чрезвычайное беспокойство и неприятности, до того крупные, что вопрос о бессарабской церкви и ее «сепаратизме» служит предметом интерпелляций и горячих прений в румынском парламенте. В парламентских дебатах много недоговоренного, а в отчетах о них—ряд цензурных пропусков,—но ясно, что дело тут отнюдь не в церковных канонах, а в том, что за два с половиною года оккупации румынам не удалось преодолеть сопротивления даже такого податливого и покорного сильным мира сего сословия, как духовенство. Это факт весьма знаменательный.

Между прочим, любопытно отметить одно из признаний, вырвавшихся в потоке парламентских прений: епископ Никодим Хушский, на которого была в первые месяцы возложена задача «румынизировать» бессарабскую церковь, был предназначен к этой роли, как наиболее подходящий, именно потому, что в свое время окончил киевскую духовную семинарию, знал русский язык и т. д. Но даже и это не помогло, и в результате резких конфликтов Никодим должен был уйти.

Любопытно еще отметить приказ румын об аресте архиепископа Анастасия, в случае появления его в Бессарабии.

Борьба между мародерами.

Румынская оккупация в Бессарабии быстро уничтожила всякие проблески свободной политической жизни в крае. Лучшие и независимые политические и общественные деятели

частью погибли от рук румынских палачей, частью бежали из Бессарабии. Социалистические партии ушли в подполье. Профессиональные организации, постоянно преследуемые, влачили жалкое существование. На поверхности политической жизни остались либо мягкотелые, податливые, безвольные люди, либо предатели, отдавшие свободную Бессарабию под румынское иго и теперь, на румынские деньги, продолжавшие каинову работу закрепления за Румынией ими же преданной Бессарабии.

Значительную долю этой каиновой работы румынские хозяева возложили на образованную предателями Бессарабии Халиппой, Чугуряном, Инкульцом, Пынтей и пр. «Крестьянскую партию» («Партитул Цэренеск»). На образование и содержание этой партии румынское правительство не жалело миллионов. Среди главарей этой партии—все знакомые имена тех господ, которые за кулисами советов подготовили Сфатул-Цэрий, и за спиною Сфатул-Цэрия—подготовили и осуществили бессовестную сделку по продаже Бессарабии.

Эти люди еще нужны были румынам для того, чтобы довести предательскую работу до конца, по возможности закрепив Бессарабию за румынскими боярами, и на них денег не жалели, им расточали показные бутафорские почести.

Господа из «крестьянской партии», так же, как и раньше в «Сфатул-Цэрий», не жалели громких, трескучих фраз, заманчивых обещаний в речах и в официальном органе «Сфатул-Цэрий», который был фактически органом «крестьянской партии». Само собою разумеется, что ни одного своего обещания они не выполнили. Иначе и быть не могло. Все их фразы, все их обещания—были лишь средством одурманить, сбить с толку, целиком отдать в румынские руки темные массы бессарабского населения.

На «крестьянскую партию» была возложена прежде всего задача, так завуалировать румынскую аграрную реформу, чтобы бессарабскому крестьянину казалось, что реформа, проводимая якобы «крестьянской партией», клонится к его пользе. Достигли ли «царанисты» («крестьянская партия») успеха в этом отношении или нет,—но, во всяком случае, с их стороны были приложены все усилия и старания в тому, чтобы надлежащим образом выполнить волю своего господина,—румынского помещика,—и обмануть бессарабского крестьянина.

Для осуществления «аграрной реформы» и задач, связанных с «румынизацией» всех областей жизни, в распоряжение «царанистов», во главе с Инкульцом и компанией, были предоставлены громадные средства, весь государственный аппарат, печать, ряд организаций и т. д. Как использовали этот аппарат

«царанисты»,—весьма ярко рисуют разоблачения, с которыми выступили впоследствии другие, обойденные претенденты на казенный пирог, образовавшие новую партию, «Народную Лигу» («Лига Попорулуй»).

Эта лига поставила себе целью снискать милости румынского господина, доказать, что царанисты никуда не годятся, с точки зрения румынских интересов, и занять их теплое место, урвать лакомые кусочки, до сих пор достававшиеся «царанистам». «Народная Лига», «под председательством генерала Авереску», повела борьбу с царанистами под лозунгом «Долой автономию», «Долой дармоедов-директоров», и т. д. Их полемика с «царанистами» чрезвычайно любопытна. Полемические перлы, расточаемые «народниками», ярко свидетельствуют о том, что оба конкурента на казенные пирог и власть в Бессарабии вполне друг друга стоят, что новый «мавр», претендующий на внимание румынского господина, вполне достоин старого, уже отслужившего предательскую службу, выдохшегося, надоевшего румынскому господину, старого «мавра»—Инкульца, Чугуряна и компании.

При всем том, в полемических разоблачениях, направленных против «царанистов», содержится много несомненно верных и крайне любопытных фактов.

„Царанисты“ и „народники“.

Читатель—надеемся—не посетует на нас, если мы, в качестве материала для весьма занимательного чтения, приведем здесь целиком одну статью, происхождение которой будет разъяснено ниже:

«Теперь мы имеем возможность, на основании некоторых документов и свидетельских показаний, нарисовать обществу ту идиллическую картину выборов в покойный уже парламент, которые произвели тогдашние руководители нашей общественной жизнью—«царанисты».

Конечно, эти выборы—уже область истории, но тем не менее, они чрезвычайно интересны и поучительны для тех, кто их будет впредь производить. Описывая производство выборов в распущенный ныне парламент, мы надеемся, что всякий, прочитавший их, скажет, что не следовало так их делать.

Кандидатский список будущих членов парламента должен был быть составлен на конгрессе, который имелось в виду собрать в сентябре прошлого года, в бывш. здании «Сфатул-Цэрий». Поэтому, предварительно, недели за две, были посланы в уезды специальные агенты, которые, по прибытии в деревни,

собирали своих ставленников и под пьяный шумок выбирали их, от лица крестьян, на конгресс для выбора кандидатов в парламент.

Настал день конгресса, и протрезвившиеся «прадставители» очутились в громадном здании Сф. Ц. Кандидатский список уже, конечно, был составлен, и от членов конгресса теперь требовалось утверждение. Все же, не надеясь на их «верность». руководители конгресса сочли благоразумным хорошенько угостить членов. И вот, на автомобилях г.г. Чугуряна, Халиппы и др., «членов» конгресса отвезли в трактир, находящийся на углу Александровской и Болгарской ул., где под председательством г. Халиппы и др. главарей крестьянской партии, стали угощать обрадованных «депутатов». Говорят, есть давали мало, а больше пить, и преимущественно водку.

По окончании «обеда» депутатов снова привезли в здание Сф.-Ц.,—и «заседание» началось.

Первое слово было предоставлено г. Цанцу, который начал с того, что предложил выбрать в первую голову, в благодарность за его патриотическую деятельность, г. Чугуряна.

Но здесь произошел неожиданный и непредвиденный скандал: депутаты, несмотря на обильное угощение и хорошую дозу водки, при имени г. Чугуряна стали протестовать, а некоторые даже свистеть.

Тогда выступил г. Халиппа и, сняв с себя пиджак, стал уговаривать и убеждать непокорных. Эти уговоры продолжались 3—4 часа, и, в виду того, что уже было часов 10 вечера и кто-то сказал, что будет и ужин, о котором уже стали мечтать «депутаты», они рады были выбрать кого угодно, и г. Чугуряну, таким образом, улыбнулось депутатское кресло. Таким путем были «выбраны» г.г. Кожухарь (нынешний примарь), Цанцу и др.

Интересно, что среди попавших в список оказался и один душевнобольной (Строеску), который, конечно, не мог быть на конгрессе. Г. Халиппа, узнав об этом, немедленно выступил и стал разубеждать собрание —снять кандидатуру Строеску, который по недоразумению попал, что ему с большим трудом удалось, т. к. Цанцу утверждал, что выборы уже не могут быть отменены.

В число кандидатов попал и некий г. Чуш, который почему-то нежелателен был г. Чугуряну. Поэтому, когда Чугурян узнал о кандидатуре г. Чуша, то немедленно поставлены были на ноги все власти, чтобы разыскать г. Чуша и предложить ему кое-какие компенсации, заставить его отказаться от участия в кандидатском списке. Очевидно, чувствуя свою силу и владея каким-то секретом г. Чугуряна, г. Чуш долго отка-

зывался, но когда к разным обещаниям приложили кругленькую сумму «на петречеро» (на времяпрепровождение), г. Чуш согласился и закутил в ресторане гостиницы «Националь».

Очень интересно то обстоятельство, что лицо, которое должно было пройти по другому уезду, так напр., г. Халиппа по Оргеевскому у., выручал своих товарищей по Кишин. у., а г. Бырка щедро сыпал деньгами из фонда государственной безопасности.

К этому времени относится и нашумевшая в газете «Слово» заметка о краже из квартиры ближайшего г. Бырке родственника крупной суммы денег, за которую Бырка не привлек к ответственности за клевету редактора оной газеты и до сих пор.

Для агитации по деревням был разослан один из главарей партии, который заранее заказывал обед на 200—300 лиц.

Приезд «главаря» совершался торжественно: на 6 парах экипажей, в сопровождении 6 верховых, с супрефектами, кинематографическим и фотографическим аппаратами. По окончании обеда, когда крестьянам становилось довольно безразлично, кого и куда выбирать, начиналась предвыборная речь, которая продолжалась 4—5 часов... К концу ее крестьяне уже спали и уже в сонном виде голосовали, соглашаясь на все, что им предлагалось. Для большего воодушевления, им показывались портреты главных деятелей крестьянской партии г.г. Чугуряна, Бырки и др.

Такими «демократическими» путями был составлен знаменитый в истории новой Румынии парламент, на долю которого выпала задача—разрешить наиболее сложные социальные вопросы.

Интересно знать, сколько стоил этот никудышный парламент государству, и, в особенности, во сколько обошлись те бессарабские депутаты-царанисты, от которых для государства «ни шерсти, ни молока».

Вероятно, бывшие главари крестьянской партии г.г. Чугурян и Бырка кое-что об этом знают и когда-нибудь дадут отчет об этом обществу, которое пока знает, что в их распоряжении был 4-миллионный фонд «на пропаганду», и из него осталось тысяч 90. Сколько из этих денег ушло на пропаганду и на какую, и сколько было уплачено разным г.г. Чушам и им подобным?».

Приведенная статья—не революционная прокламация. Она взята целиком из газеты «Новое Слово», органа Бессарабской Народной Лиги под председат. ген. Авереску и «об'единенной оппозиции» Бессарабии (Кишинев, 1 апреля 1920 г. № 19).

Из нее мы видим, как ссорятся приятели, не поделившие пирога. Не менее увлекательно писали и «царанисты» об «авересканцах».

Таковы «демократизм» и «самоопределение» этих господ, на которых опираются румынские идеологи в своем желании удержать Бессарабию за Румынией.

О крестьянской фракции „Сф. Цэрий".

Однако, ни в коем случае нельзя смешивать «крестьянской партии» г.г. Никульца, Халиппы и пр. с «крестьянской фракцией «Сфатул-Цэрий». Эта «крестьянская фракция» оказалась весьма мягкотелой, расплывчатой, никчемной политической величиной. Она, хотя и руководилась «социалистами», все же осталась в «Сфатул-Цэрий» после того, как из этого горе-парламента ушли социалистические партии, что произошло еще до оккупации.

«Крестьянская фракция» оставалась в «Сфатул-Цэрий» и после нее. Ее руководители думали, будто делают «реальную политику», а на самом деле делали одну непростительную тактическую и политическую ошибку за другой, еще менее простительной. Они делали «оппозицию», и думали, что делают великое дело. На самом деле хитрые провокаторы из лагеря Никульца водили эту «оппозицию» за нос, вокруг пальца обматывали, и так или иначе, помимо воли самой фракции, заставляли ее служить их видам и целям.

«Фракция» фактически лила воду на мельницу людей, продававших Бессарабию румынам, одним своим присутствием и участием в «Сфатул-Цэрий» усиливая внешний авторитет тех актов, которые от имени и за спиною «парламента» творились предателями. Но при всем том, при всех этих ошибках, при всей никчемности «крестьянской фракции» нужно подчеркнуть, что там было много недостатков, там был политический провинциализм, политическая наивность, но политического предательства не было. И, во всяком случае, нужно резко отграничивать «крестьянскую фракцию» «Сфатул-Цэрия» от «крестьянской партии» господ Никульцов и Чугуряпов.

Следует еще отметить, что «крестьянская фракция» неоднократно пыталась протестовать против действий президиума «Сф. Цэрий», но из этих неумелых протестов ничего не выходило. В конце концов, после долгих месяцев бесплодной и ненужной «парламентской борьбы» эта «фракция» фактически оставила «Сф.-Цэрий».

Для характеристики того, что представляла собою «крестьянская фракция», весьма интересны: Протокол заседания кр.

фракции 28 марта 1918 г., на другой день после «провозглашения» «об'единения с Румынией», акт протеста группы делегатов, составленный 26 октября 1918 г., на другой день после провозглашения «Сф.-Цериом» акта «присоединения без всяких условий», и некоторые др. документы. Как видно уже из дат этих протестов «на другой день», фракционисты, подобно оффенбаховским жандармам, спохватились всегда чересчур поздно, когда дело уже было сделано. Крестьянская фракция деятельно участвовала в работах аграрной и конституционной комиссий Сф.-Цэрий. Для пожеланий крестьянской фракции характерен «Наказ» этой фракции своим представителям, посланным для переговоров с Украиной. Еще характернее, что представители эти так для переговоров и не уехали.

При всем том, нужно подчеркнуть еще раз: нельзя смешивать «парламентариев» из кр. фракции с предателями из кр. партии господ Инкульцов, хотя наивность этих парламентариев очень часто служила на пользу провокаторам из крестьянской партии.

Преобладающая часть населения Бессарабии—крестьяне. Значительную часть бессарабского крестьянства составляют молдаване. Окраска крестьянской фракции Сфатул-Цэрий в значительной степени молдавская. И вот эта-то крестьянская фракция, при всей сбивчивости своей тактики, при неумении добиться влияния, соответствующего ее удельному весу, при неумении отстоять свои желания, имеет все же достаточно определенные стремления, поскольку речь идет о Румынии. И *стремления эти—против румынского владычества.* Это факт, которого никаким румынским дипломатам не удастся вытравить из истории.

Наказ молдавских крестьян.

Когда «Молдавская Народная Республика» была «независима»,—в промежуток времени между 24 января 1918 г. и 27 марта того же года (по старому стилю),—т.-е., когда работа предателей и оккупантов не была еще окончательно завершена и не все, кого следовало расстрелять или утопить, были брошены в воды Днестра,—в этот мимолетный период опереточной «независимости» «высший законодательный орган», «краевой совет Сфатул-Цэрий» почел однажды за благо отправить в Киев делегацию для переговоров с Центральной украинской Радой по ряду государственных вопросов.

Во главе делегации—председатель Сфатул-Цэрий Инкулец, один из режиссеров предательства Бессарабии, затем бывший «премьер», а в то время уже министр просвещения Ерхан и лидер «крестьянской фракции» Сфатул-Цэрия инженер Цы-

ганко. Делегация отправилась на вокзал и расположилась в предоставленном ей купэ в вагоне I класса. После достаточно долгого ожидания оказалось, что «паровоз испорчен» и поэтому поезд не сможет уйти.

Делегаты поверили. На следующий день, убедившись в том, что на быстрое исправление «паровоза» нет никаких надежд, делегация решила на автомобиле поехать до станции Раздельная, а там сесть в поезд. Тогда румынские власти уже открыто заявили, что делегации ехать в Киев не разрешают.

Конечно, и Инкулец, и Ерхан с самого начала отлично знали секрет «испорченного паровоза». Комедия с паровозом была устроена только для крестьянской фракции Сфатул-Цэрия и ее лидера.

Почему же убоялись румынские власти этой поездки в Киев и переговоров с Центральной Радой? Усомнились ли они в верности своего союзника Петлюры, который своим коварством и предательством и ударами в спину революционным русским войскам руками своих гайдамаков еще так недавно помог румынам захватить Бессарабию? Нет, дело было не в этом. А в том, что делегат «крестьянской фракции», ликвидировать которую румыны еще не решались, в виду значительной ее популярности в среде населения,—вез с собою в Киев следующий наказ,—приводим его целиком и дословно:

Наказ представителю крестьянской фракции Краевого Совета Народной Республики в переговорах с Украинской Народной Республикой по вопросу о политической ориентации Молдавской Республики.

Бессарабия, ныне Молдавская Народная Республика, есть страна крестьян, и голос трудового крестьянства должен звучать решительно и властно как в самой стране, так и в международных ее отношениях. Не имея, как это следовало бы, преобладающего количества голосов в Краевом Совете Молдавской Республики, благодаря неправильному построению последнего, крестьянство Молдавской республики представляет единственную крупную социальную силу в крае, и воля крестьянства есть подлинная нефальсифицированная воля народов нашей республики. Поэтому голоса других групп нашего парламента, создавших себе искусственное большинство, по удельному своему весу не могут сравниться с голосом земли, голосом народов, живущих в нашей стране.

Интересы крестьян всех национальностей, живущих в нашей стране, истинный государственный интерес подсказывает

вам, что должна быть сохранена в территориальной своей целости и политической независимости Молдавская Народная Республика. Искусственный раздел территории Бессарабии или подчинение отдельных ее частей различным политическим влияниям,—не в интересах народов, населяющих разноплеменную Бессарабию и братски-мирно в ней живущих. Желая и в дальнейшем сохранить братские и дружественные отношения со всеми народами, населяющими территорию единого прежде Российского Государства, и прежде всего с братьями-украинцами, крестьянство Бессарабии заявляет непреклонную свою волю к самостоятельному политическому существованию Молдавской Республики. Общность интересов трудящихся всех стран подсказывает нам, что крестьянство свободной Украины и правительство Украинской Республики не дадут погибнуть основному лозунгу Великой Российской Революции о самоопределении народов.

Точная и истинная политическая ориентация народов Бессарабии сможет свободно проявиться лишь в Молдавском Учредительном Собрании, выборы в которое должны происходить при полной свободе и независимости от факторов внешнего воздействия, каковыми являются оккупационные войска. На свободную страну не могут посягать ее соседи, и никакие иноземные войска не должны находиться на территории Молдавской Республики в период избирательной кампании в Молдавское Учредительное Собрание. Доверяя братскому украинскому народу, крестьянство Бессарабии ждет от него содействия и поддержки в своей борьбе за независимость и целость территории Молдавской Республики».

Таков этот наказ. От него, действительно, мог бы испортиться не только «паровоз», но и страусовый желудок румынских оккупантов. Не так-то легко было проглатывать «братскую» Бессарабию при таких наказах крестьянской фракции Сфатул-Цэрий, которая при всей своей политической наивности,—чтобы не сказать невежественности,—в неизмеримо большей степени отражала действительную волю населения, чем фальсифицированное, подложное, сфабрикованное по рецепту охранки «представительство» остальных групп бессарабского горе-парламента.

Правда, наказ крестьянской фракции был направлен и против притязаний украинцев-петлюровцев,—ибо Петлюра в награду за свои предательские услуги, очистившие румынам путь в Бессарабию, претендовал тогда на часть бессарабской территории,—на Аккерманский уезд и кое-что еще. В противовес этому, крестьянская фракция Сфатул-Цэрий и отстаивала

целостность всей территории Бессарабии. Но ведь в еще большей степени наказ был ударом по румынским оккупантам. Требовать вывода румынских войск для свободного голосования и действительного самоопределения воли населения хотя бы через учредилку в то самое время, когда румынские генералы, охранники и купленные ими никулыцы и ерханы на всех парах доводили уже до благополучного конца работу палачей и провокаторов и вот-вот, со дня на день, готовились провозгласить знаменитый шулерский «документ»—декларацию Сфатул-Цэрий 27 марта 1918 г. об отказе от независимости «республики» и вхождении ее в состав королевской Румынии на началах автономии... Вот в эти самые дни говорить о выводе румынских оккупационных войск.—какое безобразие. Есть отчего испортиться и паровозу, и автомобилю, и оккупантскому желудку.

Авторов наказа румыны в то время скрутить в бараний рог еще не могли, ибо слишком велика была не сломленная еще сопротивляемость населения. Но при наличии такой сопротивляемости и такого наказа—есть «акт» 27 марта и последующие, на нем построенные «акты»—просто на просто «испорченный паровоз» и... «испорченная бумага».

Настанет день, когда паровоз истории прогудит всему миру истинную волю Бессарабии и трех миллионов ее жителей. Тогда румынским насильникам придется улетучиться вместе со своей испорченной «актами» бумагой.

Аграрная „реформа".

Аграрная реформа в Бессарабии—это та приманка, на которую должен был оказаться пойманным бессарабский крестьянин, после того, как сорвалась, показавшая полную свою несостоятельность, первая приманка: «национальное единение», «единокровие», «общность культуры» и т. п.

В расчете на то, что «запрутских братьев» можно будет взять фразами о «братстве» и «единении» румын по обе стороны Прута, румынские генералы, вторгнувшись в Бессарабию, стали первым долгом усердно восстанавливать права помещиков, отбирать у крестьян землю, расстреливать их за провинности пред помещиками, и т. д. Началась кошмарная полоса оккупационно-аграрного террора в отношении Бессарабского крестьянства.

Но эта система цинически-откровенного восстановления помещичьих прав путем порок, карательных экспедиций, расстрелов и ограбления крестьян,—под аккомпанимент симфонии «национального единения», «общей матери-Румынии» и т. д. привела к тому, что двухмиллионная масса молдавского кре-

стьянства Бессарабии уже готова была отчаянным кровавым напряжением сбросить с себя иго румынских бояр. И хитрые румынские помещики во время учли эту опасность, учли свои ошибки, поняли безнадежность «национального слияния» при явных насилиях над крестьянами в пользу помещиков—и несколько переменили фронт. Аграрную политику, имеющую целью закабаление крестьянства и усиление помещиков, оказалось невозможно проводить больше с циничной откровенностью. Нужно было ее замаскировать как-нибудь.

Задачам этой маскировки и должна была послужить аграрная реформа, предпринятая румынами. Бессарабский крестьянин должен был быть пойман на удочку этой «реформы» и ради заманчивого призрака земли отдать себя в кабалу румынской короне, с тем, чтобы затем оказаться без земли и в кабале у румынского и бессарабского помещика.

По удачному выражению «Черновицкого форвертса», — Маргиломан хочет Бессарабию, но без демократически настроенных крестьян».—«Оперативная задача», которую перед собой поставили румынские помещики, и заключалась в проведении аграрной реформы таким манером, чтобы получить Бессарабию без демократического и способного к сопротивлению крестьянства. Насколько румынам удалось осуществить эту задачу—вопрос другой.

Учитывая, с одной стороны, демократические склонности бессарабского крестьянства, а с другой—его темноту, при которой каждому проходимцу, при некоторой ловкости, удается его заморочить и одурманивать, румынские политики поручили выполнение указанной выше оперативно-маскировочной аграрной задачи—образованной для этого на деньги румынского правительства *«крестьянской партии»* («партитул цэренеск») во главе которой были поставлены зарекомендовавшие и испытанные предатели и политические провокаторы.—Никулец, Чугуриан, Халиппа, Ныпя и прочая братия. О том, что такое эта пресловутая «крестьянская партия», ведшая самую гнусную антикрестьянскую политику, в союзе со всеми врагами крестьянства,—весьма ярко свидетельствуют приведенные выше материалы, посвященные этой партии и выступившему позже на арену конкуренту ее в претензиях на казенный пирог,—«Лиге Народа» («Лига Попорулуй»). В пылу взаимной полемики, не поделившие казенного пирога конкуренты выбалтывают друг про друга горькие истины,—истины, которые, однако, прежде всего и больше всего чернят того общего хозяина, которому служат, которым куплены обе полемизирующие «партии». Хозяин этот—реакционное румынское правительство.

Эта любопытная полемика раскрывает карты не только явных исполнителей, но и самих вдохновителей «аграрной» маскировки. В задачах этой маскировки ключ к пониманию того, как и чего ради румынское правительство пошло на инсценировку «конфликта» с крупными бессарабскими помещиками и с духовенством. Последнее, впрочем, было обойдено при аграрной реформе—в наказание за недостаточную угодливость и «сепаратизм». Позже, когда духовенство стало смиряться, ему были обещаны «компенсации». Что касается «неладов» с помещиками, то, преследуя как основную цель—маскировку и обман крестьянства показными заботами о нем, якобы даже «во вред» помещику, они имели и другую задачу—ослабить бессарабских помещиков, со стороны которых может, при известном обороте дел, угрожать опасность руссофильства, и за их счет усилить помещиков румынских и румынских чиновников, прибывающих «из-за Прута», в руки которых и должны быть отданы громадные пространства земель Бессарабии, чтобы таким путем еще более прикрепить Бессарабию к Румынии.

Каковы бы, однако, ни были основные и второстепенные мотивы румынской «аграрной маскировки», ясно, что аграрная политика стоящих у власти румынских помещиков делается за счет крестьян и во вред крестьянам. Несмотря на все толки об «аграрной реформе», хозяином Бессарабии остается помещик.—Больше помещик румынский, меньше бессарабский, но в основе и прежде всего—именно помещик.

В чем состояла аграрная „реформа"?

Постараемся дать здесь сущность румынского аграрного закона, проведенного в Бессарабии.

Кое-какие его принципы с виду не плохи: образуется государственный земельный фонд, в который поступают все отчуждаемые земли и распределяются между теми, кто землю обрабатывает. Целиком отчуждаются земли удельные, казенные, Крестьянского банка, иностранных духовных установлений, земли, принадлежавшие земству и юридическим лицам, т.-е., таким образом, то, что фактически принадлежало российскому государству.

Выходит, что, захватив Бессарабию, румыны взяли себе эти земли, как «военную добычу», т.-е. награбленное добро.

Как, однако, обстояло дело с частновладельческой землей? Здесь румынские реформаторы проявили большое почтение к частной собственности. Из частновладельческих земель отчуждаются все земли, превышающие нормы в 100 гектаров (эта площадь равна 91 1/2 десятин). Без малого сто десятин как малая

тника, оставляемая помещику,—совсем не плохой кусочек. Особенно, если рядом с этим упомянуть, что крестьянские наделы по этому румынскому закону—не больше 5—7 гектаров, т.-е. $4\frac{1}{2}$—$6\frac{1}{2}$ десятин, а путем покупки, наследования и проч. ни один крестьянин не имеет права округлить своей земли больше, чем до 20 гектаров, т.-е. до 18 десятин.

Но есть подробность и поинтереснее: виноградники, плодовые сады и питомники остаются за их владельцами независимо от занимаемой площади. Нужно припомнить, что Бессарабия не только страна кукурузы, возделываемой главным образом крестьянами, но в еще большей степени страна виноградников и плодовых садов. Богатые виноградники и доходные фруктовые сады—одна из основ благополучия бессарабских помещиков,—это добро им и оставляется целиком.

Но есть и помещики, которым не оставляют ровно ничего. Полностью отчуждаются земли «иностранно-подданных». А «иностранно-подданными считаются те уроженцы Бессарабии, которые к 1 января 1919 года не примут румынского подданства». Иначе говоря, помещики «русской ориентации» наказываются конфискацией всей своей земли.

Не подумайте также, что у помещиков, принявших румынское подданство, их землю сверх 100 гектаров отнимают. Ничуть! Им за нее платят, и платят не плохо: исчисляют доход, такой они получают, считают его равным 6% на капитал, и землю оценивают в такую сумму, по отношению к которой этот помещичий доход составляет 6%. Четвертую часть этого капитала уплачивает бедному помещику румынская казна, а три четверти выплачиваются... «наделенными земледельцами».

Как исчисляются доходы, проценты и капитал,—это само собой ясно.

Крестьяне, таким образом, попадают в многолетнюю кабалу, и до уплаты всей выкупной суммы чрезвычайно ограничены в распоряжении своей «собственной» землей. А если будет недоимка в платеже в течение более двух полугодий,—земля у неисправного плательщика отбирается.

Зато—какой щедрый жест: земли, приобретенные прежде крестьянами через Крестьянский банк (русский), даже если еще не оплачены, остаются их собственностью. Повидимому, эта щедрость—дань благодарной памяти Столыпина, ибо румынская «аграрная реформа» по Столыпинскому примеру старается насадить «крепкого мужичка» и приумножить владения того, кто и так уже имеет немало.

Румынский закон наделяет в первую очередь дополнительными участками тех, кто уже имеет землю, но меньше нормы 5—7 гектаров. При этом те, кто имеет самые маленькие

участки, получат добавочно землю лишь после того, как будут наделены имеющие участки, близкие к норме. И только после этих малоземельных—обещают дать землю и безземельным. Вслед за безземельными поставлены в очередь на добавочные участки те, кто уже и так имеет полную норму. Но при румынской повадке и взяточничестве—ясно уж, в какую очередь попадут безземельные. Даже в подцензурных и румынофильских газетах стон стоял по поводу взяток и злоупотреблений при проведении земельной реформы...

Как осчастливлены бессарабские крестьяне, видно вот еще из чего. Средний размер крестьянского землевладения в Бессарабии до прихода румын был по исчислению представителя помещиков Синадино $6\frac{1}{2}$ десятин. Щедрый надел от «крестьянского короля»—от $4\frac{1}{2}$ до $6\frac{1}{2}$ десятин, т.-е. иной раз меньше того среднего надела, какой уже был, и никак уж не больше его.

И это «счастье»,—прикрашенное, разумеется, очень красивыми словами,—румыны проводят темпом, который хорошо обрисован в беседе бессарабской делегации с румынским министром земледелия Дукой. Об этой беседе со слов известного уже нам Пантелеймона Халиппы так рассказано было в кишиневских газетах в начале 1919 года:

— Для быстрого наделения крестьян землей нет технически подготовленных людей. Для подготовки этого персонала (землемеров и пр.) будут учреждены специальные школы в Бухаресте и Ясах, а может быть и в Кишиневе. Опись крестьянских земель и определение, что сколько получил добавочно земли, займет лет 5. Временно земля будет передана крестьянским обществам, но они не будут еще считаться собственниками ее. А после описи (кадастра) крестьянских земель—самое наделение землей растянется еще на несколько лет.

Пока же шла вся эта канитель,—бойко подторговывали землицей помещики и спекулянты. Правда, на каждую сделку нужны были особые разрешения, но... чего не получишь в Румынии за взятку,—тем более, что в результате сделок округлялись имущества... запрутских, т.-е. румынских, помещиков. Попробуйте после этого включить в государственный фонд бессарабскую землицу, запрутского «брата»-помещика! Помилуйте, он, ведь,... не иностранец!

Такова проза румынской аграрной реформы в Бессарабии. Таково ее неприкрашенное лицо.

За эту «реформу» бессарабских крестьян заставляют «по гроб жизни» благодарить помещиков и славословить румынского короля. Штыками и шомполами выколачивают по сию пору эту благодарность старательные румынские жандармы и «сигуранца» (охранка).

Захват Хотинского уезда.

В кровавые дни январского вторжения и позднейшего хозяйничанья румын в злосчастной Бессарабии, северная Бессарабия счастливо избегла общей участи. Счастливым оказался Хотинский уезд. Большинство населения здесь украинское. С самого начала возникновения предательского Сфатул-Цэрий Хотинский уезд стал в оппозицию к румынизаторским планам. В момент вторжения румын Хотинский уезд колебался, войти ли в состав Бессарабии или Украины. И Бессарабия и Украина старались доказать свои права на него. В конце концов, хозяевами в Хотинском уезде не оказались ни бессарабско-румынское правительство, ни украинское: Хотинский уезд был занят австрийцами. Одно время в печати сообщалось даже о постановлении уездного земского собрания объявить уезд самостоятельным лишь под протекторатом Австрии в международных вопросах. Это постановление вовсе не было проведено в жизнь.

В связи с общим развалом австрийской армии, австрийские войска покинули Хотинский уезд, и румыны поспешили воспользоваться этим и ринулись в Хотин, занятия образовавшуюся пустоту. Так Хотин и вся Северная Бессарабия оказались в руках румын.

В переходный момент, когда австрийцы уходили, а румыны еще только угрожали Хотину, созванное в Хотине чрезвычайное уездное земское собрание 28 октября 1918 года так выразило пожелания населения:

«Подтвердить стремление уезда к воссоединению с единой Великой Россией».

Вынося это решение, земское собрание знало и учитывало то, что единая Великая Россия—это Россия советская. Оно учитывало и стремление населения именно к этой России. Но более четко запечатлеть свою волю население не успело.

Румыны в это время уже проводили свою буковинско-хотинскую операцию.

Вторжение румын в Буковину было обставлено столь же предательски и столь же коварно инсценировано, как в свое время вторжение в Бессарабию.

Как только начался распад Австрии, нахлынувшие в Буковину румынские агенты начали подготовительную работу. По испытанному в Бессарабии рецепту был создан в Черновицах «румынский национальный совет», присвоивший себе наименование Учредительного Собрания, который взял на себя смелость говорить не только от имени румын, но и от всего края

Когда наступил подходящий момент — произошло, по официальной румынской версии, следующее:

— В Ницканах, Сучаве, Черновицах и др. городах будто бы вспыхнуло страшное «большевистское движение» и беспорядки. Население будто бы хлынуло к румынской границе, ища спасения на румынской территории, и умоляя румынских пограничников и солдат пойти в Буковину и избавить ее от грабителей и «большевиков». Пограничники и солдаты, которых оказалось близ границы весьма много, поспешили великодушно исполнить волю населения и бросились в Буковину спасать ее от грабителей. Кроме пограничников, по официальным сообщениям, вторглась в Буковину одна кавалерийская дивизия и один пехотный полк. Эти войска немедленно и покорно отдали себя в распоряжение румынского национального совета в Буковине и вошли в Черновицы.

Одновременно другая группа войск вторглась в Северную Бессарабию.

О том, какой режим установился в Хотинском уезде, мы можем судить по следующему красноречивому приказу:

Приказ № 2.

1. Никто не имеет права отпускать продукты по расписками или квитанциям, а только по распискам, заверенным командирами частей, эскадронов, батарей, которые должны быть визированы начальником гарнизона и за печатью комендантского управления. Только эти счета будут считаться действительными и будут оплачиваться. Остальные будут считаться недействительными.

2. В отношении сдачи оружия нужно понимать сдачу в комендантское управление всякого рода оружия, как-то: охотничьи ружья, русские и австрийские винтовки, пистолеты, револьверы разных систем, штыки, шашки, кинжалы, патроны, порох, бомбы, ракеты и другие военные принадлежности, относящиеся к оружию, а не только австрийские винтовки, как понято население Хотина и уезда.

3. Доводится до всеобщего сведения, что до 15 ноября все русские вывески должны быть сменены на румынские; после опубликования сего приказа все русские вывески должны быть сняты.

4. До прибытия административных и частных румынских учреждений должны быть прекращены занятия в полиции и милиции. Остальные же учреждения не имеют права распоряжаться без ведома комендантского управления. Доверенные лица от земства не имеют права входить в какие-либо сделки и с

кем бы то ни было в соглашения без разрешения на то комендантского управления, для чего будет назначен румынский офицер, который будет регулировать разные вопросы. Все дела, относящиеся до судебных и административных властей, разбираются только румынскими властями.

5. Австрийские кроны не имеют никакого хождения, равно не должны быть в обращении одесские и украинские деньги и деньги временного правительства Керенского. Действительными признаются только романовские деньги, румынские леи, курс которых равняется 1 лею 60 бань одному русскому рублю.

6. Карточная игра совершенно запрещена.

7. Воспрещается печатание каких-либо произведений без разрешения румынских властей за исключением реестров и деловых бумаг функционирующих учреждений.

8. В интересах населения предлагается всем вносить платежи и налоги аккуратно не только городу и уезду, но и волостным земствам.

9. Никто не имеет права говорить дома, на улицах, в ресторанах, кофейнях, учреждениях и школах ничего против румынского войска и вообще вести разговоры, касающиеся румын

10. Все должны оказывать должное почтение и уважение румынским войскам и особенно офицерам, так как румынские войска прибыли сюда для поддержания порядка и спокойствия, а не для насилия.

11. Виновные в неисполнении сего приказа, имея в виду общественное спокойствие, будут наказаны арестом от 5 дней до 3 мес. или штрафом от 100 до 2.000 лей. Если же будет доказано, что кто-либо оставил при себе оружие для сопротивления румынским властям или войску, он будет подвергнут смертной казни через расстреляние.

Комендант г. Хотина майор *Г. Потеско.*

2 ноября 1918 г., г. Хотин.

Хотинское восстание.

В январе 1919 года, через два с небольшим месяца после захвата Хотина румынами, в уезде вспыхнуло восстание. И об этом восстании мы не будем рассказывать своими словами. Нельзя рассказать о нем ярче и убедительнее, чем это сделано в докладной записке, представленной в Одессе в конце января — начале февраля представителям Антанты съехавшимися от разъяренных румын уполномоченными четырех волостей Хотинского уезда и делегатами от 50.000 хотинских беженцев, искавших спасения от румынской расправы на Подольском берегу Днестра.

Приводим эту яркую докладную записку без изменений. Характерна в ней попытка авторов оправдаться ссылкой на то, что движение не было большевистским, что большевизма в уезде нет и не может быть. Нужно, ведь, учесть, что записка была подана державам Антанты, и авторы ее наивно надеялись разжалобить ее трагическим описанием своих страданий и склонить к себе ее сердце, открещиваясь от большевизма. Они хотели добиться покровительства Антанты истерзанному уезду, который залили кровью крестьян слуги именно этой Антанты.

Кроме того, восстание, действительно, не организовывалось большевиками. Оно было стихийным, а в «директорию», руководившую им, входили рядом с крестьянами—священники и офицеры.

Докладная записка ценна именно в таком виде, в каком подана. И как убийственен для «гуманной» Антанты факт, что даже к этому, поистине, кровью написанному, документу она осталась глуха!

Что же касается того, может или не может быть в Бессарабии большевизм,—то это, конечно, вопрос особый, ничего общего с хотинской трагедией не имеющий...

Докладная записка о состоянии Бессарабии и в частности Хотинского и части Сорокского уездов в настоящее время

О системе управления, введенной румынами: о народном восстании, охватившем Хотинский и часть Сорокского уездов в январе мес. 1919 года: о причинах восстания и способах подавления его румынскими войсками.

В последних числах октября месяца 1918 года австрийские войска, оккупировавшие Хотинский и часть Сорокского уездов, оставили оккупированную область Бессарабии. Вместо австрийских —означенную область оккупировали войска румынские. Вслед за войсками тотчас же явились и представители румынской гражданской власти, в лице префекта А. Крупу и других. Населению немедленно было об'явлено о том, что и Хотинский уезд с частью Сорокского, наконец, присоединены к «Великой Румынии» к своей «цара-мама», присоединены навеки, и никто не в силах будет оторгнуть от Румынии вновь присоединенные части Бессарабии. Кроме того, немедленно были изданы приказы о снятии русских вывесок и о сдаче оружия, при чем за неисполнение первого распоряжения наказание определялось в виде штрафа и тюремного заключения, а за неисполнение второго—смертная казнь. Префект вызвал

всех представителей и общественных и правительственных учреждений, об'явив о присоединении и потребовал полного подчинения. Мировые судьи должны были принести присягу на верность королю; в противном случае они будут уволены. От присяги они отказались, за что были устранены.—Духовенству было предписано в церквах поминать Румынский Королевский Дом, правительство и воинство. Протесты против этого, если и были, то были очень слабые, так как всякий боялся за себя, зная, что *румыны подвергают всех без разбора позорным телесным наказаниям*. Румынские солдаты, никем не сдерживаемые и даже поощряемые офицерством, позволяли себе открыто, беззастенчиво грабить население. Под видом, что ищут оружие, производили обыски, и во время обысков брали предметы домашнего обихода: полушубки, сапоги, съестные припасы, скот, хлеб, зерно, а где попадалось, и деньги. Так, например, в селе Рукшине у крестьянки Прасковьи Куделки во время обыска был взломан сундук, из которого взято сто двадцать рублей золотом и восемьсот рублей кредитными билетами, о чем она заявила начальнику отряда майору Морра, но денег обратно не получила. Неоднократны случаи срывания хороших шапок с мужчин и платков с женщин, как в самом Хотине, так и в селах. Жандармерия в селах вмешивалась во внутреннюю жизнь населения. Выбрала себе лучшие помещения, требовала себе вина, водки для своих личных попоек, заставляла дежурить по-очереди крестьян при себе. Дежурные крестьяне чистили сапоги, убирали комнаты, чистили лошадей румынской кавалерии, убирали конюшни и т. п. Каждый жандарм или солдат считал своим долгом зайти в школу и заставить учителя начать преподавание на румынском языке, заходить в церковь и требовать от священника совершения богослужения на румынском языке и поминовения Королевского дома. За малейший протест или неповиновение—*пороли плетьми, шомполами и нагайками. За более энергичный протест—расстреливали без суда.*

— Вот некоторые факты, иллюстрирующие румын, как администраторов в оккупированной Бессарабии.

В начале ноября 1918 года в селе Медыкоуцах, Хотинского уезда, был убит румынский солдат. Убийца бежал. За убийство были наказаны все жители этого села. Каждый домохозяин должен был уплатить 3.000 (три тысячи) рублей, при неуплате продавали все имущество. На погребение убитого румынского солдата были созваны окружные священники (около 40 человек), учителя и интеллигенция окружных сел. Во время погребения местные поселяне должны были стоять на коленях в грязи, ибо день был дождливый. По окончании погре-

ского священники, учителя и др. приглашенные были поставлены в два ряда.—*и началась порка местных поселян.* Была избита большая часть населения. По окончании порки румынский офицер обратился к священникам и учителям и сказал: «Объявите всем, что так будут наказывать жителей тех сел, где будут обнаружены убийства румынских солдат (сообщено участником погребения священником села Ломачинец, о. Даниилом Корнеем).

2) Жители села Дишоуц, Хотинского уезда, чем-то не угодили румынам. Решено было послать карательную экспедицию в село Дишоуцы. Но посланный офицер смешал село Дишоуцы с селом Данкоуцами, находящимися вблизи г. Хотина. По приезде в с. Данкоуцы, командующий отрядом созвал поселян на сход. Наказано было розгами 85 человек. Затем было спрошено общество, согласно ли исполнить приказ румынских властей. При этом выяснилось, что в Данкоуцы не было получено никакого приказа, от исполнения которого они бы отказались. Выяснив, что в Данкоуцы он попал по ошибке, и что жители этого села не виновны, офицер направился со своим отрядом в село Дишоуцы, куда он был послан своим начальством, и там выпороли уже 285 жителей (сообщено в г. Хотин жителями с. Данкоуцы и местным священником).

3) В ноябре месяце прошлого года были пойманы румынские солдаты при ограблении мельницы. Местные жители обезоружили солдат-воров и порешили отправить их в г. Хотин к коменданту. Но так как один из воров не был пойман, то он побежал в г. Хотин и заявил коменданту, что жители села Левинца избили невинного румынского солдата. Была послана карательная экспедиция. Много жителей села Левинц были выпороты розгами, и около 30 человек были заключены в тюрьму.

Жаловаться на безобразия, чинимые румынами, нет возможности, ибо при заявлении жалоб над жалобщиками смеются. Так, в г. Хотине были избиты несколько молодых евреев. Они вздумали жаловаться в комендатуру. Но там их заставили мыть полы, чистить сапоги солдатам и всячески издевались над ними.

Ужасно положение несчастной Бессарабии под игом мнящей себя либеральной и просвещенной Румынии.

Гонению подвергались лица всех профессий и сословий, так или иначе заявившие себя противниками румынской оккупации и той насильной румынизации, какую с первого же своего появления стали проводить румыны в Хотинском уезде, где славянское население преобладает и достигает 90% всего населения. Такая система управления, тот террор, которым со-

провождали румыны насаждение своей культуры. Лживые заявления румын, что вся Бессарабия присоединена навеки к Румынии, что никто и ничто не в силах оторвать от Румынии так долго будто бы стремящуюся к соединению с ней Бессарабию, известие о том, что Державы Согласия, победившие немецкую коалицию, всецело поддерживают румын в их стремлении овладеть Бессарабией, заставило население призадуматься о своем будущем. С одной стороны, население знает о том, что Державами Согласия принята программа завершения всеобщего мира на основах самоопределения народов, а с другой—население думало и думает, что Великие Державы, занятые каждая своими делами и обманутые сфальсифицированными румынскими документами о добровольном будто бы присоединении Бессарабии к Румынии, позволят Румынии овладеть Бессарабией. Дальнейшее представлялось единым безвыходным и безнадежным.

Население, перенесшее за последние пять лет несколько эвакуаций, разоренное войной, терпеливо вынесшее все это, не выдержало нашествия румын и их системы управления, их террора, издевательств и т. д.

Не видя ни от кого защиты, население стихийно восстало, для того, чтобы освободиться от тяжелого ига. Числа 5—6 января по старому стилю началось восстание в районе ст. Окница, местечка Атаки, Сорокского уезда и Секурян. Из этих местностей румыны были вытеснены с боем. В ночь с 9 на 10 января в районе города Хотина группа крестьян, человек в 80, собралась занять мосты через Днестр, для того, чтобы можно было переправить в Бессарабию собранное и закупленное у подольских крестьян оружие. Румынский патруль, заметив повстанцев, дал знать на свою батарею, которая открыла огонь. Звуки орудийных выстрелов (их было до 40) послужили сигналом для всего населения Хотинского уезда, и оно—кто с ружьем, а кто с косой—выступило против румын. Те румынские солдаты и жандармы, которые сопротивлялись, были убиты, а сдавшие оружие были взяты в плен. 10-го января в 6 час. утра г. Хотин и окружающие его села были в руках повстанцев. Существующий в Бессарабии национальный совет немедленно выбрал из своей среды пять человек, которые под названием «Директория» взяли в свои руки власть. Военное дело было взято в руки офицерством, проживающим в Бессарабии, которое организовало штаб для ведения боевых операций. 10-го же января в Хотин стали прибывать представители от разных сел и волостей, с сообщением, что восстание повсеместно стихийно началось и румыны прогнаны. Приводили много румын, сдавшихся на милость повстанцев. Стали

прибывать люди с просьбой о выдаче оружия и формировании кавалерии. Женщины в деревнях организовали выпечку хлеба для повстанцев, находящихся в бою. Директория немедленно распорядилась о запрещении продажи спиртных напитков, об установлении патрулей и вообще о сохранении полного порядка, что и было достигнуто. Порядок был образцовый. Нигде ни одного бесчинства, ни одного грабежа, все заняты одним делом, объединены одной мыслью—изгнать и навсегда избавиться от румын. Пленные румынские солдаты, офицеры и чиновники заключены в тюрьму, а семьи чиновников были помещены в земскую больницу. Обращение с ними было самое лойяльное. Случайно повстанцами были в с. Грозинцах захвачены проезжавшие в автомобиле два офицера в незнакомой форме. Один из них на русском языке заявил, что он представитель английской военной миссии и представил соответствующие документы. Под конвоем их доставили в г. Хотин, где разобрались в представленных документах и объявили их свободными. Английский офицер Макларен объяснил, что он, по поручению английского посольства в Бухаресте, ездил в Буковину и оттуда следовал в Бессарабию, для ознакомления с настроением населения в местностях, оккупированных румынами и для ознакомления с тем,—действительно ли Бессарабия присоединена добровольно к Румынии, как об этом везде и всем заявляют румыны, или же присоединение совершено насильственно. «Теперь я вижу и могу засвидетельствовать, как население присоединилось к Румынии, и что оно вынесло, если решилось восстать». Это подлинные слова господина Макларена. Г.г. английским офицерам было предложено посетить тюрьму, где были заключены румыны, также было предложено посетить с. Недобоуцы, где румыны убили при отступлении 53 человека (в это число входят женщины и дети) и сожгли 8 домов. Г.г. английские офицеры согласились на это и убедились и в хорошем обращении с румынами, находящимися в тюрьме, и в справедливости сообщения о произведенных румынами в с. Недобоуцах зверствах. Об этом составлен соответствующий акт, подлинник которого остался у г. Макларена, а копия при сем прилагается.

В дальнейшем боевые действия повстанцев, так хорошо развивавшиеся первые 5 дней, стали ослабевать по многим причинам. Прежде всего, стал ощущаться недостаток оружия, патронов и снарядов, что не дало возможности всем желающим вступить в ряды бойцов. Появились провокаторы, которые стали распространять самые разноречивые сведения и слухи о крупных силах, стянутых румынами для подавления восстания. Появились румынские агенты, которые стали запугивать восставших возможностью прихода румын, поддерживаемых якобы ан-

глийскими и французскими войсками, совместно с которыми румыны жестоко подавят восстание. И что только отказ от восстания и сложение оружия—может смягчить ожидаемое наказание. Многие, под влиянием этого, начали уходить с фронта. Румыны, окруженные повстанцами в с. Керстинцах, находящихся на высоте, доминирующей над всей окрестностью, обстреливали из орудий окружающие села и посылали то в одно, то в другое село карательные отряды солдат. Там, где румынским солдатам удавалось отеснить повстанцев и ворваться в село, они, прежде всего, приступали к поджогу домов, не давая возможности выходить из них обитателям. Обходили все дома и отбирали у оставшихся жителей деньги, обувь, платье, хлеб, скот и пр. Малейший протест или просьба влекли за собой убийство всех членов семьи, не исключая даже маленьких детей. Домов поджигали столько, сколько успевали до прибытия повстанцев, при первом появлении которых румыны обращались в бегство. В тех селах, где они, т.-е. румыны, имели возможность дольше оставаться, зверств и пожаров было больше.

На восьмой день после изгнания румын из Хотина, энергия повстанцев, их настроение стало заметно падать. Румыны подтянули значительные подкрепления, повели правильное наступление на восставших, и 20 января, после упорного сопротивления, повстанцы были выбиты из Хотина и должны были скрыться за Днестр. За два дня до занятия румынами Хотина население, напуганное зверским отношением румын, начало спешно эвакуироваться, бросать свои насиженные гнезда на произвол судьбы и, с чем и как могло, перебралось за Днестр, ища спасения на территории Украины. Бежавших, по приблизительному подсчету на территории Каменецкого уезда и Галиции, до 50.000.

При ликвидации восстания в селах, румынские войска проявляют исключительную, небывалую жестокость. По показанию пасломщика с. Недобоуц, взятого в плен румынами и потом освободившегося, румынский генерал отдал приказ своим солдатам во что бы то ни стало подавить восстание, обещая за это разрешить им брать все, что они захотят. Поощренные таким обещанием, румынские солдаты теперь храбро кинулись на них и, имея преимущество в снаряжении и общем командовании, одержали победу.

Слов нет для описания тех ужасов, которые творятся теперь в несчастном Хотинском уезде. Мы, нижеподписавшиеся, сами достоверно знаем факты: в с. Долиняны, по просьбе оставшегося населения, священник Д. Крокос с крестным ходом вышел навстречу румынам. Румыны бросились на крестный ход, шашками изрубили священника и открыли стрельбу по присутствующим.

Дочь крестьянина с. Рукшино Петра Коншина заявила, что ее румынские солдаты изнасиловали, и сообщила, что этому подверглись многие женщины и девицы. В лесу, около с. Шероун, румынский разъезд в доме лесника обнаружил до 60 женщин и детей, скрывшихся там, поджег дом, в котором все укрывшиеся сгорели. Жит. с. Недобоуц Феодосию Гемкуляку 80 лет отрезали руку, а потом закололи; Василия Тодосийчука закололи в селе Недобоуцах; инвалида без руки Моисея Щербатова закололи; в селе Недобоуцах из 600 домов осталось не больше 50. В с. Рукшине сожжено до 300 домов. Из с. Атаки сожжено $^{3}/_{4}$ села. На село Пригородок наложено контрибуции в 10.000 рублей, в случае неуплаты угрожают сжечь все село. По сведениям, которых не удалось нам лично проверить, в виду выезда в Одессу, румыны в г. Хотине расстреляли директора гимназии г. Коробкина. 21-го января, по имеющимся сведениям, комендант города Хотина созвал население для объявления какого-то приказа. Собравшиеся около 500 человек были окружены солдатами и расстреляны из пулеметов. В селе Недобоуцах расстреляно около 200 мужчин, преимущественно стариков. В с. Рукшине—около 200. В с. Капелевке—масса расстрелянных, также сожжены дома. Полному или частичному опустошению подверглись села: Атаки, Рукшино, Недобоуцы, Ставчаны, Долиняны, Капелевка. Эти пострадали особенно сильно. Села: Пригородок, Чопаносы, Заложены, Столиненты, Анадолы, Дарабаны, Мироуцы—Высшие пострадали меньше. Что касается других сел, то точных сведений о них до 22 января ст. стиля,—дня нашего отъезда в Одессу,—не было. Убитых запрещают хоронить. «Пусть их едят собаки»,—говорят румыны на просьбы разрешить погребение. В каждом селе, прежде всего, требуют денег, обыскивают и отнимают все найденные деньги, забирают тулупы, сапоги и надевают на себя. Женские платья, полотно, ковры и вообще предметы домашнего обихода складываются на подводы и целыми обозами увозят в Румынию. В Хотине ходят по домам и отбирают все, даже мебель, и тоже вывозят в Румынию. По слухам, на Хотин наложена контрибуция в 1.000.000 рублей. Проверить это пока не удалось. Для проверки всего необходима комиссия из лиц не заинтересованных, о каковой и ходатайствуем мы, уполномоченные населением. В представляемых нами копиях наших уполномочий ясно выражена просьба всего населения о немедленном командировании для расследования всего, каковую просьбу мы поддерживаем. Кроме того, по поручению всего населения, ходатайствуем о выводе румынских войск, в виду того, что в их присутствии многое может быть скрыто как ими самими, так и опрашиваемым населением, так как таковое, из опасений дальнейших репрессий, побоится открыть все.

В заключение, мы должны сказать, что бедствия населения не поддаются никакому описанию. Только на месте можно убедиться в том, что там происходит и что испытывают несчастные жители и беженцы. Думаем, что из чувства человеколюбия и сострадания лица, от которых это зависит, сделают все возможное для предотвращения дальнейших бедствий.

Кроме того, мы считаем своим долгом указать, что никакого большевизма в восстании нет. Румынское правительство считает это восстание большевистским; что это не так, свидетельствует тот полный порядок, какой был при восстании, в чем лично убедился офицер английской армии г. Макларен. Не было произведено ни арестов, ни насилий, над кем бы то ни было. Только в городе Хотине были арестованы городской голова и настоятель собора. Арест их был произведен по настоянию населения, которое видело в их деятельности слишком большую услужливость и преданность румынам.

Мы, нижеподписавшиеся, просим представителей Держав Согласия принять нас для словесного доклада, так как описать все и дать ответы на могущие возникнуть вопросы на бумаге не представляется возможным.

1919 года 29 января (11 февраля). г. Одесса.

Уполномоченные от крестьян 4-х волостей Хотинского уезда:

(Подписи).

Акт о насилиях, совершенных румынскими войсками в Хотинском уезде.

14/27 января 1919 г., мы, нижеподписавшиеся, члены комиссии по обследованию насилий, совершенных румынскими войсками при отходе их из Хотинского уезда во время восстания населения, в составе: член английской военной миссии старший лейтенант Британского флота М. Макларен, представитель от земства—член Хотинской уездной управы Е. Е. Боярин и представитель от судебного ведомства, мировой судья Хотинского судебно-мирового округа П. Я. Воскресенский, при осмотре одной из разоренных румынами деревень—Недобоуцы и опросе населения, нашли следующее:

Румынские войска, при отходе из города Хотина, проходили через д. Недобоуцы 10/23 января 1919 года. Во второй половине дня солдаты этого отряда, будучи при офицерах, поджигали спичками дома; сгорело 8 домов в разных местах; тушить населению запрещали. Солдаты заходили в дома с целью грабежа, требовали и отбирали деньги; много убитых и раненых.

всего убитых *пятьдесят три* человека (список убитых при сем прилагается), из них *три* женщины и *один* мальчик 12 лет; в числе раненых *две* женщины. Все убийства совершены или в самых хатах или возле хат. Для убийств применялось как огнестрельное, так и холодное оружие. Раны сабельные, штыковые и огнестрельные, последние с сильными ожогами, вследствие того, что выстрелы производились в упор на очень близком расстоянии. Пожары и убийства совершались также и в других деревнях, например: Ставчаны, Долиняны, Широуцы и т. д. Некоторые случаи насилий в д. Недобоуцы:

1) в семье Ватаманюков, состоявшей из 4-х человек, мать убита, дочь 20 лет и сын 12 лет также убиты, девочка 13 лет ранена, при чем указанный мальчик Николай Ватаманюк для расстрела был вытащен из хаты и тут же во дворе был расстрелян.

2) Илья Манюк в первый день откупился от солдат за 50 р. и был оставлен в живых; на другой день солдаты пришли и изрубили его шашками на куски, так что пришлось хоронить его в мешке.

3) Терентий Старчук, 54 лет, был ранен пулей в пах в тот момент, когда отворял двери, чтобы выйти из хаты навстречу солдатам, при чем солдаты стреляли в хату с ее двора.

4) Василий Софроняк, 56 лет,—солдат требовал от него денег, взял 40 руб. и после этого в хате выстрелом из винтовки в грудь на вылет ранил его.

5) Никита Заньковский—солдаты забрали у него деньги, выволокли из хаты и возле нее под деревом, несмотря на его мольбы, на глазах его семьи, закололи штыками.

Подписали члены комиссии: представитель английской военной миссии старший лейтенант Британского флота М. Макларен, член Хотинской уездной земской управы Е. Боярин, мировой судья П. Воскресенский.

С подлинным верно:

Председатель Подольской губернской Земской Управы (подпись).

М. П. И. д. секретаря (подпись).

3 февраля 1919 г.

Официальное румынское сообщение о восстании.

Сообщение румынского бюро печати, напечатанное в официальном отделе кишиневских газет, под заголовком: «Наказание распространителей ложных слухов и тенденциозных сообщений».

«В последнее время злонамеренные люди распространяют по городу массу ложных и тенденциозных сведений. Чтобы обратить на это обстоятельство внимание серьезной публики, с одной стороны, а, с другой, в предупреждение возможности дальнейшего распространения легковерными людьми этих сведений, «Бюро Прессы» прислало нам для опубликования следующее:

1) За распространение ложных и тенденциозных слухов, жители И. А. Мошкович и Нейман из администрации газеты «Голос Кишинева» приговорены к пятнадцатидневному аресту. Газета «Голос Кишинева» выходом в свет приостановлена.

2) Также за распространение ложных слухов С. Луканов и Я. Абрамович приговорены к аресту на 1 месяц.

3) Все клубы города закрыты впредь до распоряжения, т. к. посетителями распространяются ложные и тенденциозные сведения.

4) Впредь до нового распоряжения воспрещены всякого рода зрелища, кроме кинематографов.

5) Украинские большевистские банды в нескольких пунктах внезапно вторглись в Хотинский уезд. Некоторые жители, будучи подстрекаемы, сделали попытки присоединиться к большевикам. Подоспевшие наши войска уничтожили большую часть этих банд, и, по последним сведениям, разрушено только несколько деревень, виновных в большевизме.

Наши войска с дисциплиной и энергией работают для полного восстановления порядка. Виновные в подстрекательстве в этой области были судимы военным судом и казнены. Многочисленные войска находятся на пути в Бессарабию».

(«Свободная Мысль», Кишинев, № 497, 12-1 1919 г.).

„Мщение продолжается".

В Кишиневе расклеено румынское официальное сообщение о событиях в Хотинском уезде, которое гласит, что «большевистское движение в Хотинском уезде подавлено», и сообщает, что семь деревень сравнено с землей и что убито 5.000 человек. Румынское официальное сообщение заканчивается заявлением, что «*мщение наших войск продолжается*».

(Бессарабск. Б. П. Бюллетень № 42, 20 февраля 1919 г.).

Расправа румын с железнодорожниками.

В Одессу прибыли делегаты от железнодорожников из Окницы просить помощи и вмешательства в их судьбу и в судьбу оставшихся на месте семей.

Во время восстания в Хотинском уезде повстанческие отряды дошли до станции Окница, покинутой румынами. Когда на другой день румыны перешли в наступление, то, по распоряжению начальника повстанческого отряда, вещи железнодор. служащих были погружены в вагоны, дабы они могли бежать от румын. Однако, в последний момент, бывший на станции паровоз понадобился для повстанцев, и вещи железнодорожников так и остались в вагонах.

Когда ст. Окница была снова занята румынами, посыпались репрессии по адресу железнодорожников. Румыны потребовали от железнодор. присяги и подписи. Чтобы сломить их колебания, румыны арестовали многих железнодорожников, их группами уводили в степь, некоторых расстреливали, остальных приводили обратно. Семьи железнодорожников были в течение 3-х дней лишены воды.

Под влиянием этих репрессий и истязаний, около 200 жел. дорожников бежало из Окницы, ища спасения на территории Украины.

Оставшиеся, в конце-концов, принуждены были дать требуемые подписки и принести присягу.

На месте остались семьи бежавших, подвергающиеся преследованиям.

Любопытно, что от железнодорожников румыны требовали подписки в том, что они будут служить не менее десяти лет.

По сведениям прибывших в Одессу делегатов, румынами в районе Окницы расстреляно в общем до *ста* железнодорожников.

Делегаты обратились через бессарабские организации с ходатайством о спасении оставшихся железнодорожников и семей бежавших от преследований.

(Бес. Б. П.). Бюллетень № 50, 26-го февраля.

Подтверждается, что при «ликвидации восстания» румынами в Окнице и районе расстреляно и убито 165 железнодорожников.

(Бес. Б. П.). Бюллетень № 53, 4 марта.

Не забудь!

Указанными выше данными не исчерпаны зверства румын после подавления восстания в Хотинском и Сорокском уездах. Долго шли расстрелы. Много дней подряд в Сороки приводили людей и убивали во славу румынского короля и в честь румынского генерала Поэташа, убитого крестьянами при подавлении

восстания. Множество жертв и пленников еще до сих пор томится в кошмарных румынских тюрьмах.

Хотинско-Сорокское восстание—не единственное восстание населения,—и, прежде всего, молдавских крестьян—против ненавистных румын. Это только самое крупное и более других зафиксированное документами восстание. Менее крупные вспышки были в 1918 и 1919 г.г. и позже в Измаильском уезде, в Белецком, в Бендерском и даже, как сообщали беглецы, в Оргеевском.

Бессарабия под румынской пятой походит на сплошное кладбище. Но и на этом кладбище румыны не могут быть спокойны. И характерно, что даже в Хотинском уезде командиру VIII румынской дивизии, генералу Мирческу, приходится еще в августе 1921 г. публиковать приказ к населению по поводу «слухов», в связи с «происшествиями» в окрестностях Хотина, где были «военные операции против бандитов и преступников».

Генерал Мирческу заявляет:

«Настоятельно рекомендую населению окрестностей Хотина не забывать прежних действий, имевших место зимой 1919 года».

Будьте спокойны, генерал Мирческу! *Эту* часть вашего приказа население выполнит свято, не за страх, а за совесть.

— *Оно не забудет!*

Обещания румынских генералов.

Когда румынские войска уже заканчивали захват Бессарабии, командующий румынской армией опубликовал воззвание к населению. В нем ген. Презан, тот самый, который в переговорах с делегацией русского фронтового с'езда заявил о намерении румынской армии «отойти» в Бессарабию, чтобы «разоружиться»,—говорил уже так:

«Распускаются слухи, что румыны идут завладеть вашей страной, забрать ваши земли, ни о чем другом не думают, как вернуть вам старых ваших правителей... Об'являю вам во всеуслышание, что румынские войска не желают ничего другого, как только установления порядка и спокойствия, которое они вносят, дабы дать вам возможность укрепить вашу автономию и ваши свободы, как вы сами решите... Немедленно по установлении порядка и спокойствия, и как только будут гарантии, что воровство, грабежи и убийства не возобновятся, воины румыны возвратятся к себе домой».

Население не верило генералу Презану. И прежде всего потому, что воровство, убийства и грабежи производились имен-

но румынскими войсками. Заявление Презана приходилось повторять, и ген. Скина, начальник 1-ой румынской кавалерийской дивизии, в своем воззвании говорил:

«С прискорбием я замечаю, что далеко не все лица верят воззванию, выпущенному за подписью нашего верховного командования... Наш приход к вам есть исполнение христианского долга. Для исполнения моей миссии, миссии миротворческой, для установления свободы, равенства и братства, я нуждаюсь во всеобщей помощи».

Свидетельство дипломатов.

Французский консул в Кишиневе, как мы уже упоминали, телеграфировал французскому посланнику в Яссах, чтобы румынские войска не вступали в Бессарабию, ибо их вступление вызовет гражданскую войну, т.-е. сопротивление всего населения. Конечно, это не остановило румын, хотя французский посланник Сент-Олер мог бы своим приказом остановить румынских лакеев. Но ведь они шли в Бессарабию получать награду за свою службу французскому капиталу, и к тому же—«защищать» земли бессарабских помещиков, заложенные в значительной части в французских банках,—зачем же было останавливать?

Однако, когда в Яссах стало известно, с каким активным «недоверием» относится население Бессарабии к приходу румын, тот же Сент-Олер опубликовывает официальное заявление, в котором от своего имени и от имени представителей союзных держав извещает встревоженное население, что цель прихода румын—исключительно поддержание порядка в Бессарабии и что этот приход не может иметь никакого влияния на ее судьбы.

А итальянский министр Фасчиоти, старшина союзных представителей в Яссах, в телеграмме, посланной 8 21 февраля 1918 г. итальянскому консулу в Одессе и всем союзным консулам, предлагает вступить в переговоры с высшей революционной властью в Одессе, Румчеродом, и предписывает:

«Касательно Бессарабии, благоволите упомянуть, что вмешательство румынских войск представляет военную операцию без какого-либо политического характера, предпринятую, несомненно, с гуманитарной целью—гарантировать снабжение провиантом русских и румынских войск и гражданского населения».

Все эти факты имеют большое значение. Они показывают, что, *при честном толковании даже буржуазных принципов международного права, захват румынами Бессарабии не имеет никакого юридического основания.* Державы капиталистической

Европы должны были бы на основании своих собственных заявлений настаивать на уходе румын из Бессарабии, поскольку порядок восстановлен. Разумеется, вместо этого державы,—и Франция, прежде всего,—стараются подтвердить «права» Румынии на Бессарабию.

Обязательства румынского правительства.

Между тем, и румынское правительство само формально обязалось очистить Бессарабию.

Румынские генералы воспользовались развалом русского фронта для того, чтобы вторгнуться в Бессарабию. Но и развалленный фронт, на котором сплачивались революционные силы, представлял для румын опасность. Державы поспешили помочь румынам «урегулировать» вопрос путем переговоров с Румчеродом. В этих переговорах деятельное участие принимали державы; они морально скрепили их. Чтобы ускорить реализацию договора, самый текст его, подписанный румынским премьер-министром ген. Авереску, был доставлен в Одессу на аэроплане представителем американской военной миссии, лейтенантом канадской армии Ж. Бойлем.

Как же был урегулирован вопрос в этом договоре? Вот документы *).

А. Ответ на предложение о посредничестве для мирного улаживания русско-румынского конфликта, сделанное военными французской и английской миссиями в Одессе.

1. Румынское правительство обязуется сделать формальную декларацию, касающуюся эвакуации Бессарабии оккупационной румынской армией,—в первую очередь, эвакуации Бендер и Жебриен. Оккупационная армия должна быть в течение двух месяцев сокращена до размера отряда в 10 тысяч человек, обязанности которых будут заключаться в охране румынских складов и путей железнодорожного сообщения.

Полиция в городах и местечках будет состоять из местной милиции, образованной из тамошних жителей. По мере эвакуации румынской армии, необходимые русские военные силы займут эвакуированные места для поддержания порядка.

Румынское военное командование отказывается от всякого вмешательства во внутреннюю и политическую жизнь Бесса-

*) Воспроизводим точный текст документов из изданной в 1921 году в Харькове Народным Комиссариатом по иностранным делам УССР „Красной Книги“, озаглавленной: „Советская Россия — Украина и Румыния“.

рабии. Оно не может производить аресты и не может исполнять функций, принадлежащих местным выборным властям.

Румыния обязуется не предпринимать военных или других враждебных действий и не поддерживать таковые по отношению к Российской Федерации Советов.

2. Продукты Бессарабии, ненужные для питания местного населения и военных русских отрядов, находящихся в Бессарабии, будут исключительно назначены для продовольствия Румынии.

3. Комиссии, которая будет составлена из представителей России, Румынии, Франции, Англии, Соединенных Штатов, будет вменено в обязанность разрешать все спорные случаи между русскими и румынами.

В случае, если румынская армия будет принуждена отступить на русскую территорию, она там найдет убежище и продовольствие.

В случае военных параллельных действий против центральных держав и их союзников, устанавливается непосредственный контакт между высшим военным командованием русской Советской армии и румынским командованием.

Подписи: Председатель Совета Народных Комиссаров Одесской области *В. Юдовский.*

Комиссар иностранных дел *Брашеван.*

Член Высшей Коллегии *А. Воронский.*

24 февраля 1918 г.

Б. Ответ румынского правительства на предложение Румчерода разрешить полюбовно конфликт между Россией и Румынией.

1. Все статьи вышеприведенного предложения приняты, исключая условия, помещенного в статье 1, требующего немедленного эвакуирования Бендер.

2. Обе стороны примут меры к немедленному освобождению пленных и обменяют всех русских пленных в Румынии на румын, находящихся в России.

Первый обмен должен будет быть произведен без промедления, начиная с освобождения генерала Коанда и его товарищей, арестованных в Киеве, также всех румын, интернированных в Одессе, давая им возможность возвратиться в Румынию.

В то же самое время румынское правительство должно освободить всех русских, которые, в данное время, интернированы в Румынии. Обмен должен быть произведен возможно

скорее, с тем, что каждый день будут освобождены 25% общего числа пленных для обмена, начиная с даты, которую Румчерод должен будет назначить, но не позже 26 февраля 1918 г. ст. ст.

3. Межсоюзные комиссии, составленные из англичанина, француза и американца, будут учреждены в Одессе, Киеве, Москве и Петрограде—в России, в Яссах и Галаце—в Румынии. Во всех случаях будущих арестов русских в Румынии или румын в России, все подробности каждого ареста, так же как и доказательства фактов, будут переданы ближайшей комиссии. В случае, если последняя найдет, что обвинения и доказательства недостаточны для содержания в тюрьме арестованного, последний должен быть немедленно освобожден и отпущен на свою родину.

4. Все фонды и продовольствие, забранные у межсоюзных комиссий, которые совершают закупки для румын в России, должны быть немедленно возвращены этим комиссиям, и продовольствие направлено в Румынию.

Союзным комиссиям будет дано право закупки продовольствия, которое нельзя достать в Бессарабии и которое необходимо румынскому населению.

Председатель Совета генерал *Авереску*.

К документу Б.

Условия правительства Румынии, вносящие некоторые изменения в наши мирные предложения, приняты. С момента подтверждения румынским правительством получения настоящего документа, мы будем считать, что мир между Россией и Румынией восстановлен.

Одесса, 20 февраля (5 марта) 1918 г.

Председатель Коллегии *Раковский*.

Вице председатель Высшей автономной Коллегии *Брашеван*.

Председатель Румчерода *Юдовский*.

Председатель Исполнительного Комитета Совета *Воронский*.

Главнокомандующий Революционной Армией *Муравьев*.

Подписано в моем присутствии и присутствии д-ра Раковского.

Подполковник *Ж. В. Бойль*.

5 марта 1918 г.

B. Ответ румынского правительства.

Румынское правительство принимает участие в коллективной декларации Высшего Автономного Совета, Румчерода, Совета Народных Комиссаров народонаселения Одесской Области, Исполнительного Комитета Советов и высшего командования Революционной Армией южно-русского фронта, датированной 5 марта 1918 г. и подписанной председателем Высшей Автономной Коллегии д-р Раковским, Вице председателем Высшей Автономной Коллегии Комиссаром иностранных дел Брашеваном, председателем Румчерода Юдовским, председателем Исполнительного Комитета Советов А. Воронским и командующим революционной армией южно-русского фронта Муравьевым, и считает с сегодняшнего дня конфликт улаженным.

Председатель Совета Министров, Министр
Иностранных Дел генерал *Авереску.*

Яссы, 23 февраля ст. ст. 1918 г.

Г. Протокол ликвидации Русско-Румынского конфликта.

Высшая Автономная Коллегия, Румчерод, Совет Народных Комиссаров Одесской Области, Исполнительный Комитет Советов об'являют ,что считают военный конфликт между Россией и Румынией улаженным, базируясь на основе условий, предложенных нами в нашем ответе от 24 февраля 1918 г., и на основе изменений, внесенных румынским правительством, согласно декларации, подписанной Авереску, председателем Совета Министров Румынского Королевства. Мы в то же самое время принимаем к сведению декларацию г. полковника Бойля, что обмен русских пленных на румынских распространяется на всех пленных без исключения, в силу чего и подписываем настоящий протокол.

Одесса, 20 февраля 1918 г.

Председатель Высшей Автономной Коллегии *Раковский.*
Вице председатель Высшей Коллегии, Комиссар
иностранных дел *Брашеван.*
Председатель Румчерода *Юдовский.*
На врученном нам румынами оригинале подпись:
Председатель Совета Министров, Министр
Иностранных Дел генерал *Авереску.*
Г. Яссы, 24 февраля 1918 г.

Смысл этих документов.

Смысл приведенных здесь документов совершенно ясен и бесспорен. *24 февраля 1918 года премьер министр и министр иностранных дел Румынии генерал Авереску подписал обязательство никоим образом не вмешиваться во внутренние дела Бессарабии,* не производить никаких арестов, не мешать работе выборных местных органов управления *и в двухмесячный срок вывести румынские войска из пределов Бессарабии,* оставив на ее территории лишь 10.000 человек для охраны румынских продовольственных складов и железных дорог. Генерал Авереску отклонил лишь *немедленную* эвакуацию Бендер, но взял на себя обязательство немедленно, по подписании договора, начать эвакуацию Бессарабии, которая в течение двух месяцев должна была быть закончена, включая сюда и эвакуацию Бендер. 24 апреля 1918 года Бессарабия вся целиком должна была уже быть в руках Советского правительства.

Генерал Авереску и все прочие, появившиеся вслед за ним, премьер-министры и генералы Румынии грубейшим образом нарушили этот подписанный ими и скрепленный представителями держав договор. *Они не выполнили ни одного пункта его.* Они уже седьмой год изо дня в день нарушают те обязательства, которые на себя приняли. Акты вероломства и насилия, которым даже в мировой истории насильников немного можно найти равных,—до того они циничны и грубы, — заступили место принятых на себя обязательств.

И это беспримерное вероломство «культурное» правительство Румынии пытается оправдать в глазах «цивилизованного человечества» ссылками на «самоопределение народов» и правовые акты!

Сотнями непреложных фактов доказана невероятная лживость всех этих ссылок и утверждений. Румынские министры и генералы не хотят исполнять подписанного ими договора, ссылаясь на то, что будто бы позднейшие события аннулировали, уничтожили его силу, ибо население Бессарабии само добро-

вольно выразило желание «воссоединиться» с «матерью-Румынией». Но для всякого, кто ознакомится с документами и фактами, которыми переполнены эти страницы, бесспорно и ясно, что *все доводы румынских министров ни на чем не основаны*, что население Бессарабии, в том числе и «родное по крови» молдавское крестьянское население, не желало и не желает владычества румын; что тот «Сфатул-Цэрий», на решения которого ссылаются румынские захватчики, не имел ни малейшего права говорить от имени населения Бессарабии, и, в особенности, от имени бессарабских рабочих и крестьян; что, наконец, эти решения ни в какой мере не отражают желаний и мнений даже этого подтасованного представительства и беззастенчиво сфабрикованы за спиною Сфатул-Цэрия кучкой продажных негодяев, которым террор и насилия оккупантов дали возможность безнаказанно говорить и лгать при могильном молчании истерзанной страны; что таким образом все без исключения «акты» и исторические документы, на которые в своих притязаниях пытаются опереться румынские помещики и генералы, и французские биржевики, и банкиры, — все без единого исключения,—*подложны и не имеют никакой юридической силы*. Ни один из них не может аннулировать того законного и несомненного документа, каким является подписанный тов. Раковским, с одной стороны, и генералом Авереску, с другой, русско-румынский договор 24 февраля 1918 года.

Этот договор должен быть исполнен. Бессарабия должна быть эвакуирована румынскими войсками.

Такова юридическая, правовая сторона бессарабского вопроса.

Но можно ли в нынешней капиталистической Европе взывать к доводам права? Рабочие и крестьяне России и рабочие и крестьяне Бессарабии имеют чрезвычайно много оснований сомневаться в такой возможности.

Лишь в одном можно не сомневаться. *Бессарабия будет свободна.* Иго румынских помещиков *будет уничтожено.* Права трудового народа и пролетариата Бессарабии будут восстановлены.

Ибо настанет день, когда этого властно потребует не только истерзанная Бессарабия и не только ограбленный румынскими разбойниками Союз Советских Социалистических Республик. Настанет день, когда освобождения Бессарабии властно и непререкаемо потребует пролетариат всех стран мира, и пролетариат самой Румынии—в первую голову.

Слушай, истерзанная, измученная, седьмой год истекающая кровью и слезами Бессарабия: *ты будешь свободна.*

Кровавая повесть о том, что пережила и перестрадала Бессарабия, *не будет забыта никогда.*

Палач Бессарабии, это—весь нынешний капиталистический мир; боярская же Румыния лишь творит его державную волю. Но этой воле будет положен конец.

Страшный счет пред'явит мировая революция мучителям, угнетателям, палачам свободной Бессарабии.

Счет этот палачам придется оплатить сполна.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

В нашей книжке много недостатков. Основной ее недостаток в том, что она написана с некоторой поспешностью и технически недостаточно отделана. Предполагалось ее в спешном порядке выпустить ко времени русско-румынской конференции, открывшейся 26 марта 1924 г. в Вене. Технические затруднения, с одной стороны, и быстрый срыв Венской конференции румынскими дипломатами, с другой — не дали возможности выпустить книгу во время. Но, по существу, интереса своего и своей остроты бессарабский вопрос от срыва Венской конференции не потерял. Наоборот, Венская конференция только острее и решительнее, чем до сих пор, поставила Бессарабский вопрос на разрешение всего мира.

Делегация СССР в Вене, во главе с тов. Крестинским, выставила минимальное из минимальных требование в отношении Бессарабии: организовать плебисцит, опросить население Бессарабии о том, чего оно само желает. Предварительное условие плебисцита — вывод румынских оккупационных войск из Бессарабии.

Румынская делегация это требование отвергла, ссылаясь на «исторические акты», а на самом деле будучи, очевидно, твердо уверена в том, что свободно выраженная воля Бессарабии будет против присоединения ее к Румынии. Упорство румынской делегации основывалось еще и на вызывающих действиях Пуанкаре, который накануне Венской конференции экстренно созвал французский парламент и провел в нем утверждение известного протокола совета послов Антанты о присоединении Бессарабии к Румынии. Эта провокация Пуанкаре еще раз показала, что ответственность за трагическую судьбу Бессарабии в еще большей степени, чем румынские разбойники, несут разбойники «великих держав».

Делегация СССР решительно отстаивала свое скромнейшее и демократичнейшее требование о плебисците в Бесса-

рабии. На этом румыны сорвали Венскую конференцию. Но Венская конференция — большая победа советской дипломатии. Советская делегация сумела открыто перед лицом рабочих и крестьян всех стран, перед лицом всего мира поставить вопрос о Бессарабии и заявить, что до тех пор, пока не выявит своей воли само трехмиллионное население Бессарабии — рабочие и крестьяне СССР не перестанут считать Бессарабию насильнически оторгнутой частью российского советского союза и будут отстаивать права Бессарабии на свободу и самоопределение.

Такая постановка вопроса произвела сильнейшее и благоприятнейшее для СССР впечатление во всех странах, и в особенности в Румынии и самой Бессарабии. Истинную волю Бессарабии румынским насильникам пришлось и во время Венской конференции, и после нее снова заглушать жесточайшим террором.

Но этот террор над тремя миллионами бессарабцев и над крестьянами и рабочими самой Румынии до сих пор не дал желанных румынам и французским капиталистам результатов в течение шести лет и трех месяцев, прошедших со времени захвата Бессарабии. Ничего не добьются они своим террором и дальше.

Пусть после срыва Венской конференции румынский король поехал на поклон к Пуанкаре в Париж, чтобы продажей последних остатков экономической самостоятельности Румынии закрепить франко-румынский союз. Пусть торжественно принимают румынские бояре в Бухаресте японского принца для того, чтобы заключить румыно-японский союз против России, Украины и Бессарабии. Не помогут румынским помещикам и эти союзники. Ибо у СССР в стремлении отстоять от бесчеловечного нарушения права крестьян и рабочих Бессарабии, и у трех миллионов бессарабцев в их стремлении к свободе есть союзник более сильный, чем все президенты и все императоры, вместе взятые. Этот союзник — рабочие и крестьяне всех стран, которым Венская конференция показала теперь, что такое бессарабский вопрос, шесть лет изо всех сил замазывавшийся захватчиками. Этот союзник — победоносное международное революционное движение.

Этот союзник найдет средства для того, чтобы открыть Бессарабии путь к свободе вопреки провокации банкиров и зверствам оккупантов.

Бессарабия будет свободна.

1924г.
апрель.

ст-ва советской
[illegible]

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

„Великая Румыния“ 5
Несколько исторических чисел 6
Румынские мотивы 7
Мотив исторический 8
Доказательства этнографические. 9
Сфатул-Цэрий 13
Сознательные молдаване. 13
Инкулец и К⁰ 14
Илья Катареу 16
Петлюровцы в союзе с провокаторами 18
Провокаторы на исторической авансцене 19
Помещик Херца 20
Как создавался Сфатул-Цэрий 22
Распределение мест в Сфатул-Цэрий 24
Статистика захватчиков 25
Фальсифицированное представительство 26
Речь председателя Инкульца 27
Различные ориентации Сфатул-Цэрия 28
Сфатул-Цэрий, „румынский вопрос“ и социалисты 30
Воля крестьян-молдаван 31
Еще о 24 января и 27 марта 36
26 ноября 1918 г. 38
Румынский штык в Бессарабии 42
Румыны защищают русских помещиков 43
Гайдамаки Петлюры „самоопределяют“ Бессарабию 44
Лгут до последней минуты 45
Террор оккупантов 46
В Молдавской республике 50
Оккупационный „быт“. 51
Из приказов румынских властей 53
Свидетельство Александри 54
Даже духовенство. 56
Борьба между мародерами 57
„Царанисты“ и „народники“. 59
О „крестьянской фракции“ Сфатул-Цэрий 62
Наказ молдавских крестьян 63
Аграрная реформа. 66
Захват Хотинского уезда. 71
Хотинское восстание. 73
Докладная записка уполномоченных 4 волостей 74
Акт о насилиях в Хотинском уезде 81
Обещания румынских генералов. 85
Свидетельство дипломатов. 86
Обязательства румынского правительства. 87
Смысл этих документов 91
Послесловие. 94

Библиотека ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС